

12+

Елена Александровна Асеева

Путь Святозара

ТОМ ВТОРОЙ

Елена Асеева

Путь Святозара. Том второй

«Издательские решения»

Асеева Е. А.

Путь Святозара. Том второй / Е. А. Асеева — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-700319-3

В волшебной стране Восурия, где легко встретить древних духов, волшебных животных, дивных существ и даже Богов живет юноша Керк (в дальнейшем нареченный Святозар), обладающий магическими способностями. Керк — Святозар пройдет трудный и опасный путь познания собственных душевных и физических сил и овладеет таящимися внутри него знаниями, и все это ради того, чтобы победить подлого колдуна и вурколака, каковой желает уничтожить и самого юношу, и его семью, и народ, и страну.

ISBN 978-5-00-700319-3

© Асеева Е. А.
© Издательские решения

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	12
Глава третья	18
Глава четвертая	23
Глава пятая	35
Глава шестая	44
Глава седьмая	51
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Путь Святозара Том второй

Елена Александровна Асеева

© Елена Александровна Асеева, 2026

ISBN 978-5-0070-0319-3 (т. 2)

ISBN 978-5-0070-0322-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава первая

Ровно через три дня, как и было, намечено, Святозар вместе с дружиной, отправлялся в поход в страну Беловодье. Наследника и его друзей, с дворцовой площади, пришли провожать не только правитель с правительницей, не только дружина отца, но и вся многочисленная родня друзей. Потому площадь наполнилась разговорами, вздохами, стонами, а кое-где и плачем маленьких детей, оных также принесли на проводы. Святозар вышел из гридницы со своими друзьями, где по древнему обычаю, они «присели на дорожку». Отец и мать подошли к сыну. Правитель первым его обнял, негромким, взволнованным голосом, сказав:

— Сын, прошу тебя, сбереги себя и друзей своих. Велей сказал мне, что ты очень мудр. Посему пусть ваш путь озаряет свет и истина, что правит в твоей душе.

Потом к Святозару приблизилась мать, и тотчас сердце юноши болезненно сжалось в груди, стоило лишь ему узреть на ее лице появившиеся две тонкие морщинки около глаз.

— Сынок, — сказала правительница, каким-то гулким, натужным голосом. — Я думаю, мы видимся с тобой в последний раз. Чувствую я, что не дождусь тебя из Беловодья. Поэтому я прошу тебя лишь об одном, помоги своему брату и сбереги род Богомудра, — и, заплакав, она обняла наследника, а затем обхватила ладонями его щеки и крепко, крепко поцеловала его в очи.

— Не плачь, не плачь, Дола, — тихо вымолвил правитель. — Нельзя отправлять сына в дальнюю дорогу слезами.

— Я так мало была с тобой, сыночек мой, — добавила мать, утирая глаза. — Так мало целовала тебя и прижимала к своей груди. И теперь, теперь мой сыночек мы расстаемся навсегда. Прости, прости меня за все, прости мой, сыночек, мой первенец.

Святозар посмотрел на мать, и, подавив дрожь в своем голосе, сказал:

— Матушка, я даю тебе слово, что сделаю все... все, что в моих силах, чтобы спасти брата, — и, взяв руки правительницы в свои, поднес к губам, и не менее нежно поцеловал тончайшую кожу на тыльной стороне ладони.

Святозар порывисто опустил руки Дола и стремительно развернувшись, направился к коню, однако не успел он сделать и пару шагов как к нему подбежали Тур и Малуша. Наследник поднял сестру на руки, прижал к себе, поцеловал ее в мягкие прекрасные щечки.

— Братик, — чуть отстранившись от Святозара, заметила Малуша. — Ты слышишь, я р-р-р-р, научилась говорить.

— Да, сестренка, я слышу, ты у нас умница, — похвалил Малушу наследник и опустил ее на землю.

А после обняв Тура, и поцеловав его в волосы, сказал:

— Тур, я уезжаю далеко и надолго. Помни брат, что после отца, ты теперь у нас в семье старший, береги сестру, мать и отца. — И муторно вздохнув, добавил, — особенно матушку.

Тур кивнул утвердительно Святозару, и когда тот выпустил его из объятий пошел вместе с ним к его коню.

— Брат, ты ведь вернешься? — негромко спросил Тур и голос мальчика колыхнулся от волнения.

Наследник сел на коня и наклонившись к брату, потрепал того по волосам.

— Обещаю, Тур, обещаю, что вернусь.

К Святозару подошел отец и встал рядом с Туром, посмотрел на наследника снизу вверх и молвил :

— Сын, я хотел сделать тебе подарок и привезти сюда родителей Сема и Леля, но не успел. Когда ты вернешься, мальчик мой, — и голос отца дрогнул. — Они смогут тебя встретить.

К наследнику подъехал попросившийся с отцом и матерью Стоян. И тогда правитель перевел на него взгляд и тихо так, чтобы слышал лишь Стоян, произнес:

— Стоян, дорогой мой мальчик, прошу тебя, сохрани моего сына в дальнем пути. И верни его живым обратно.

Старший дружины наследника придержал коня, который уже просился в путь и взволнованно ответил:

— О, мой правитель, клянусь вам той кровью, что течет в моих жилах, я сделаю все, что от меня зависит, чтобы мой друг, ваш сын и наследник великой Восурии вернулся домой живым и здоровым!

Святозар больше не в силах выносить расставания, тронул коня и громко крикнул: «Други мои, пора в путь!» И в тот же миг люди на площади выкрикнули все вместе хором: «Доброго вам пути, дети восурские, и пусть в дороге вам помогает наш прародитель великий и славный ДажьБог!»

Наследник и дружина выехали за город и деревни, да пустили лошадей галопом. Святозар очень торопился, хотел скорее прибыть в Новыград, а после поплыть на ладье по Ра-реке. Всю дорогу он, погоняя коня, вспоминал, как отец, успокаивая, говорил ему, что ведун, который лечит Эриха, очень сильный, и он поможет ему продержаться до возвращения Святозара из Беловодья. Но наследник, зная по себе, как изматывает боль и рана, боялся за жизнь брата, а еще сильнее боялся за его душу.

Ездовая полоса до Новыграда была весьма оживленной, всюду раскинулись большие деревни, в которых по распоряжению правителя, старший деревни, большак, принимал в своем доме, кормил и менял лошадей наследнику и его друзьям. Не много передохнув, снова отправлялись в дорогу. К концу четвертых суток, когда измотанная и почти не спавшая дружина, уже валилась с коней, Звенислав придержал своего жеребца, и, указывая на небольшое взгорье, пояснил:

— Други мои, за этим холмом на великой Ра-реке стоит светлый Новыград, — и тронул поводья.

Заехав следом за Звениславом на пригорок, Святозар сдержав скорую поступь своего жеребца, замер на его макушке и увидел, в заходящем солнце, прямо перед собой большущую, широкую и полноводную реку, да врастающий одним боком в нее раскинувшийся крупный город, обнесенный мощной крепостной стеной. Дружина въехала в город и ведомая Звениславом направилась по одной из улиц, мимо изб, домов и лавок ко дворцу воеводы. Так же как и дворец отца, жилище Велислава было не большим, имело круглую форму и скорее всего там, как и во дворце правителя, находилось малое количество комнат, лишь необходимое для жизни семьи воеводы.

Святозар спешившись на прямоугольной, узкой площади, объявил подбежавшему слуге, что прибыл наследник Восурии. Не успел слуга скрыться в дверях дворца, как оттуда появился воевода высокий, рослый, молодой мужчина со светлыми, словно пшеница, волосами и такого же цвета густой бородой и усами. Велислав лишь на мгновение остановился и оглядел дружину, да безошибочно шагнул к наследнику, раскрыл объятия и крепко того обнял со словами:

— Святозар, братанок, как я рад тебя видеть. — Он отодвинул юношу от себя, и, заглянув в лицо, улыбнулся, добавив, — ну, одно лицо с моим дорогим братом. — И сызнова прижал его к себе. — Однако я ждал вас лишь к завтраму.

— Мы торопились, — ответил наследник, смущаясь пристально глядящих на него зеленых глаз, так напомнивших ему очи отца. — Дядюх, мы все очень устали и голодны...

— Конечно, конечно... — Не дав договорить Святозару, Велислав обернулся к слугам и зычно крикнул, — эй, робята примите у дружинников коней и отведите добрых молодцов в гридницу! Да хорошенько накормите! — И уже обращаясь к племяннику, молвил, — братанок, правитель приказал мне подготовить к твоему приезду ладью, на которой ты отправишься в

страну Беловодья. Но даже если твоя дружина встанет на весла, тебе все равно понадобятся еще опытные ладейники, потому помимо вас в плавание отправятся еще двадцать пять воинов во главе со старшим Путяттой. И это Святозар, самый опытный воин-ладейник, он сам вызвался пойти в плавание. Но так как мы ждали вас лишь на завтра, то в путь отправитесь послезавтра утром, лишь тогда все будет готово к плаванию. А теперь, — и Велислав беспокойно оглядел племянника. — Брат мой велел мне позаботиться о тебе так, как ты болен.

Святозар устало зыркнув на дядю, ответил:

— Я, дядюх, себя чувствую хорошо. Но весьма устал, посему буду благодарен тебе, если ты меня проводишь к моим друзьям в гридницу и накормишь. Да погода, дядюх... погода хорошо бы в баньке попариться и отдохнуть.

Наутро Святозар проснулся отдохнувший и полный сил, он в сопровождении слуги, которого приставил к нему дядя, спустился в гридницу. Во дворце стояла тишина, не было слышно даже детского смеха и голосов многочисленного семейства дяди оно, как боясь потревожить племянника тот, верно, отправил свою ребятню на двор, а друзей наследника разместил на эти дни в домах своих дружинников. Поэтому когда Святозар вошел в гридницу то узрел там лишь дядю да двух воинов. Велислав сидел за столом и беседовал с ними. Один из воинов, что поместился рядом с дядей, был под стать ему дородный, крепкий, пожилой мужчина с густой, темно-рыжей бородой и волосами цвета налитой пшеницы, с зелеными и какими-то колючими очами. Как только в дверях появился Святозар, он поднял голову, посмотрел на наследника, да так, словно оценивал его, как человека, как ведуна. Другой воин, что сидел к Святозару спиной, и каковой, чтобы узреть наследника повернулся, был очень молод, темноволос с приветливым и светлым лицом, на котором словно горела широкая, чистая улыбка.

— О, братанок, поднялся. Как отдохнул? — спросил Велислав, и махнул рукой, подзывая к себе наследника.

— Все хорошо, дядюх. Спасибо, — ответил Святозар, и приблизился к сидящим.

— Знакомься, братанок, это, — и он показал на воина, что сидел рядом и разглядывал наследника своими зелеными глазами. — Путят старший из воинов-ладейников, что поведет твою ладью.

Путят поднялся, а когда Святозар протянул ему руку, пожал ее, так мощно, что наследник враз ощутил в ней накопленную за долгие годы силу реки и моря.

— А это, — и поднялся молодой воин. — Это мой старший дружинник Бажай, — и, тот также как и Путят пожал протянутую Святозаром руку.

— Ты, верно голоден? — поспрашал участливым голосом дядя.

— Есть немного, — откликнулся не мешкая наследник, усаживаясь за стол около Бажая.

— Благ, — громко крикнул Велислав, и в гридницу вошел слуга. — Принеси наследнику потрапезничить. — Воевода перевел взор отцовских глаз на Святозара, улыбнулся, и добавил, — у нас тут все по-простому.

— Это хорошо, что по-простому, — проронил наследник и улыбнулся в ответ.

Слуга Благ принес Святозару на большом блюде запеченного осетра затейливо украшенного солеными овощами, хлеб, кувшин молока и чашу.

— Покушай, братанок, покушай. А мы пока поговорим, — сказал дядя, и когда увидел, что племянник принялся за еду, продолжил прерванный разговор. — Значит Путят, ты говоришь, что ладья готова и воины тоже, и как мы намечали завтра с утра можно отправляться в путь.

— Да, воевода, все верно, в путь можно отправляться завтра, — ответил, низким голосом Путят, он перевел взгляд с Велислава, и уставился на наследника, да так, что Святозар на миг перестал жевать. — Если наследник с дружиной готовы, то можно выходить завтра, а если нет...

Святозар сглотнул, было, застрявший кусок еды во рту, и торопливо молвил:

— Мы готовы, нам надо торопиться.

— Эх, — недовольно заметил Путят и лицо его слегка перекошилось на сторону. — Знаешь наследник, когда нужна спешка-то..., — и глянул многозначительно на Святозара. — А в походе, чтоб ты знал, спешка не к чему. Так то оно? А, ты то сам наследник по реке когда-нибудь ходил?

— Нет, — ответил Святозар. — По реке не ходил. А в море бывал, не скрою.

— И в каком же море ты бывал, в Восточном или Южном? — усмехнулся Путят, и недоверчиво качнул головой.

— Я, Путят, вырос на берегу Северного моря, — пояснил Святозар, и сызнава принялся за прерванную трапезу.

Старший воинов-ладейников оглядел наследника как-то дюже недоверчиво, перевел тот же самый взгляд на воеводу и точно замер, напряженно выпрашивая воеводу.

— Уж, больно, ты, не знаешь, Путят, — с укором зыркнув на него сказал Велислав. — Что Святозара шестнадцать лет назад похитили. И он вырос вдаль от своих отца и матери, вдаль от своей семьи, в семье рыбаков на берегу Северного моря.

Смущенный гневливым сиянием глаз воеводы Путят примолк, и дал наследнику спокойно доест до конца и выпить полную чашу молока, а когда Святозар утерся утиральником, уже более миролюбиво произнес:

— Путь на Буян остров труден и опасен. Одиннадцать лет назад мой старший брат уже ходил туда с дружинниками правителя, и потерял почти всех своих людей. Вернулось с Беловодья лишь два дружинника, на ладье они отправились в обратный путь, но, уже подходя к устью Ра-реки, попали в шторм. Ладья затонула, погибла и большая часть воинов-ладейников, а те, кто остался жив, смогли доплыть до берега. Мой брат, который уже умер, много рассказывал мне об этом плаваньи, поэтому то я и вызвался идти с тобой наследник.

— Спасибо, Путят, тебе за твою смелость и помощь. И это очень хорошо, что именно ты пойдешь со мной в плаванье, потому что теперь нас двое тех, кто знает куда идти. Ты знаешь путь до Буян острова, а я до страны Беловодья, — сказал Святозар и благодарно посмотрел на старшего воинов—ладейников.

Путята тоже воззрился на наследника, и Святозар увидел, как в его глазах заходили, заиграли какие-то тревожные огоньки, словно он хочет о чем-то спросить, но не ведает, какие слова надо сказать, чтобы не обидеть его.

— Путят, тебя, что-то тревожит, ты что-то хочешь у меня спросить? — поинтересовался Святозар, понимая, что перед дальней и тяжелой дорогой, необходимо все выяснить, чтобы всякие недопонимания остались на берегу и не мешали в пути.

— Тревожит... — Вновь усмехнулся старший воинов-ладейников и покачал головой из стороны в сторону, а засим порывчато сжал лежащие на столе руки в кулаки, добавив, — да, наследник, тревожит. Знаешь в то плаванье с дружиной ходил ведун, он, правда, из страны Беловодья не вернулся. Но его помощь в походе была огромна. Я знаю, что ты как наследник Восурии тоже обладаешь магическими способностями, но ты так юн... И, прости, наследник, но хватит ли у тебя сил и знаний преодолеть все преграды которые станут на нашем пути. И потом... — Путят осекся на полуслове, а приободренный взглядом Святозара продолжил, — воевода сказал, ты болен. Сможешь ли ты выдержать тот дальний путь. Ведь в пути нужен ведун, который сможет излечивать раны, болезни людей, а ты...

— Я, Путята, — перебил его наследник. — Достаточно силен, чтобы помочь преодолеть все трудности в походе и если нужно вылечить людей. А по поводу моей раны. — Святозар умолк на мгновение, и чуть слышно дохнув, проронил, — кроме меня она никому не доставляет никакого беспокойства.

— Что ж, — в первый раз, за это время, наконец-то улыбнувшись, сказал Путят. — Тогда наследник отправимся завтра утром в путь. И пусть нас ведут наши славные Боги.

— Братанок, — обратился к Святозару дядя, когда увидел, что Путят и наследник пришли к согласию. — Путята зовет тебя осмотреть ладью, ты как?

— Я с радостью, — ответил Святозар и поднялся.

— Бажай, друг мой, — обратился к своему старшему Велислав. — А ты поезжай к дружинникам и предупреди их, чтобы завтра с утра они проводили друзей наследника к пристани.

На площади, куда вышли Святозар, Велислав и Путят, их ждали слуги с лошадьми. Сев на коней по одной из извилистых улочек, где по правую и левую сторону лепились низкие избы, или широкие, высокие дома, а также различные лавки торговцев и ремесленников выехали к большой пристани, на каковой словно огромные великаны в ряд стояли разные ладьи: военные, торговые, промысловые. По пристани суетливо бегали люди, а подле одной военной ладьи люди просто-таки теснились, наполняя не только саму ладью, но и пристань возле нее. Подъехав к этой ладье спешили, а люди, окружавшие ее, расступились, и поклонились воеводе, да Путяте, с интересом вылупились на Святозара, и вдруг, вроде по команде, все вместе, разом, заулыбались и также низко приклонили головы, верно, признав в нем наследника престола восурского.

Святозар еще никогда в жизни не видел такую большую и красивую ладью. Обшивка ладьи была дубовая, с плоским днищем и вертикальными бортами корпуса. В каждом борту насчитывалось по восемь отверстий для весел, снаружи защищенных боевыми, каплевидными, богато украшенными щитами. Слегка заостренный нос венчала искусно вырезанная и украшенная голова медведя с двумя глазами и оскалившимися зубами. Медведь, как символ Бога Велеса, первого мореплавателя, был защитником и помощником воинов—ладейников. В середине ладьи был установлен украшенный золотой тесьмой и затейливым рисунком большой прямоугольный парус, а справа и слева от него располагались лавки для гребцов и оборудован навес, который укрывал их от солнца и дождя. Рулевое весло крепилось в кормовой части справа, там же находилась квадратная надстройка с крышей, коя вела внутрь ладьи, где располагались помещения называемые омшаник, для наследника, воинов и провизии.

Святозар вместе с Путятом и Велиславом оглядел, словно добротный хозяин всю ладью, вошел в омшаник и осмотрел количество провизии, да оставшись довольным проделанной работой, похвалил Путята. Чем вызвал у того вторую улыбку за день, оному, по-видимому, приглянулось, что хотя наследник и юн, но все же очень разумен и рассудителен.

— Что ж, провизии нам, верно, хватит на какое-то время, а если, что зайдем в прибрежный город и попросим пополнить запасы, — заметил Святозар.

— Да, братанок, — немедля откликнулся Велислав. — Я уже дал указания, как и велел правитель, чтобы вам оказывали всевозможную помощь в городах, что лежат по течению Рареки. Но зная наших людей можно и не сомневаться в их гостеприимстве. А когда вы подойдете к устью Рареки, то пополните запасы воды и провизии в городе Приславле, у воеводы Всеволода.

— Уж Всеволод, будет точно гостеприимен, не сомневайся наследник, потому что он мой хороший друг, и моя средняя дочь замужем за его старшим сыном, — добавил Путят, и почему то горделиво посмотрел на Святозара.

— Ишь, ты, — удивился дядя и хлопнул Путята по спине. — Куды ж ты ее загнал, в такую-то даль.

— Эх, — пояснил Путят и вздохнул весьма муторно. — Да нешто против их любви пойдешь. Сказала люб он ей, а я противиться и не посмел. Знаешь же Велислав у нас в этом деле главное воля ребенка, а не отца, матери. Да, я если честно и рад, они любят друг друга, деток у них уже двое, пусть живут и радуются жизни.

— Ну, раз любят, то и верно хорошо, — глубокомысленно протянул дядя. Да медленно развернувшись к Святозару, все поколь созерцающему ладью, спросил, — что, братанок, всем доволен?

— Дядюх, а скажи мне, воины-ладейники, которые с нами пойдут, они знают куда мы отправляемся и какие нам грозят опасности? — ответил спросом на вопрос Святозар.

— Да, наследник, — молвил за воеводу Путят и погладил свою темно-рыжую красавицу бороду. — Все воины сами также как и я вызвались отправиться с тобой и твоей дружиной в путь.

— Ну, тогда я спокоен, — вздохнув, изрек Святозар, словно снял с души камень. — Тогда, дядюх, можно со спокойной совестью завтра с утра отправляться в волшебную страну Беловодье.

Наутро Святозар в сопровождении дяди прибыл на ладью, здесь его уже ждали други, Путят и воины—ладейники. Весь причал был забит людьми, все хотели посмотреть на наследника и проводить его в далекий и опасный путь. Велислав спешился с коня и обнял Святозара стоящего подле да с каким-то сердитым укором молвил старшему воинов-ладейников:

— Путят, я знаю, ты добрый воин, но прошу тебя, доверяй Святозару, потому что братанок очень разумный и мудрый юноша, он обладает великими магическими способностями, и я верю, что не раз выручит вас из беды.

— Да-к, я что ж, — недовольно буркнул Путят.

— А ты, Путят, все время думаешь, что юности, не присуща мудрость, — тихо добавил Велислав, и положив на плечо того руку крепко его сжал.

Старший воинов-ладейников посмотрел на воеводу, и хотел было, что-то сказать, но верно не решился, а когда дядя убрал руку, поклонился ему и пошел на ладью.

— Братанок, — проронил напоследок Велислав. — Я знаю, с каким тяжелым сердцем отпускал тебя в дальний путь твой отец, поэтому ради моего брата, сбереги себя.

Святозар глянул на дядю, который совсем не был похож внешне на своего старшего брата, но своей заботой и добротой напоминал наследнику горячо любимого отца и ответил:

— Верьте, чтобы не случилось, и сколько бы, не прошло времени, верьте, что мы обязательно вернемся, — он порывисто обнял дядю и пошел на ладью.

Святозар встал у борта так, чтобы можно было видеть людей запрудивших пристань и дядю, поднял руку, и когда народ стих, громко им крикнул:

— Люди восурские, уходим мы в далекое и трудное плаванье, но отправляясь туда, берем свою смелость и храбрость, идем по пути Прави, и, да сопутствует нам в этом пути наш Бог Велес и Богиня Удачи Среча!

А когда люди в ответ громыхнули: «Да будет так!», воины убрали настил. Святозар махнув на прощание дяде рукой, пошел к носу ладьи, и, встав рядом с Путят, зыркнув на него лучистостью голубых очей, объявил: «В путь!», и немедля гребцы ударили веслами по воде и ладья тронулась в путь, вниз по течению Ра-реки великой. А Святозар поднял глаза в голубое, бездонное небо и тихо шепнул тому далекому, близкому голосу: «Да, исполнится твоя воля великий ДажьБог!»

По Ра-реке великой плыли спокойно без всяких неприятностей, берега реки были усыпаны деревнями и большими городами, в которых жил славный и гостеприимный народ восурский. Так как наследник все время поторапливал Путята, то остановки делали лишь, чтобы пополнить провизию, и сызнова отправлялись в путь. На восьмые сутки ладья прибыла в славный город Приславль, что находился в устье Ра-реки и был главным оплотом и пограничным городом Восурии на берегах Восточного моря, в чьих водах лежал волшебный остров Буян. Снабженные провизией, малеша передохнувшие воины и дружинники к четвертому дню первого летнего месяца червень на своей ладье вышли из города Приславль и направились в просторы Восточного моря, чьими водами повелевал поддонный царь Черномор.

Глава вторая

В первые дни, плавание по Восточному морю проходило спокойно, Путят был опытным ладейником и вел свою ладью по направлению к острову Буяну так, как ему когда-то поведал старший брат. К вечеру третьего дня небо внезапно заволокли тучи, подул сильный ветер. Путят приказал опустить парус, но гребцы пока оставались на веслах. Ветер стал крепчать, поднялись здоровущие волны, и принялись кидать ладью из стороны в сторону. Высокий вал перекатываясь через ладью, пытался смыть находящихся на палубе людей в море. Весла пришлось убрать в ладью, и надеяться лишь на волю волн и Богов. Путят сам встал за руль, вместе с рулевым стараясь выровнять ладью и приказав дружине и воинам уйти в омшаник. Святозар вышел из помещения, и, придерживаясь рукой за надстройку, огляделся, обдумывая заговор, который смог бы смирить такие огромные волны.

— Иди, иди, вовнутрь, наследник, иначе тебя смоеет волна, — прокричал ему Путят.

Святозар отрешенно посмотрел на старшего ладейника, словно, и, не слыша его вовсе, да приклонив голову, двинулся к носу ладьи.

— Наследник, наследник, сейчас же вернись, — услышал он позади вопль Путятя. — Тебя смоеет, волна... волна справа.

Святозар повернул голову направо и увидел мощный вал, одного мгновения понадобилось ему, чтобы понять, ладья не выдержит удара такой громадины и потонет. И тотчас, лишь стоило осознать надвигающуюся страшную беду, наследник поднял руки, направив их на приближающуюся волну, и громко закричал: «О, Великий Бог Громовержец Перун, Бог битв и войны! Как когда-то ты победил Черномора, царя подводного мира и твоего соперника в битве за прекрасную Диву-Додолу! Так нынче даруй мне силы и мощь увидеть и преодолеть все преграды, создаваемые на моем пути, твоим соперником поддонным царем Черномором! Да, будет мое слово, крепко как твои небесные молнии!»

В тот же миг луч лазурного света вылетел из поднятых рук Святозара и высокой лазурной стеной стал между волной и ладьей, еще миг и вал налетел на ту преграду, ударила об нее. И наследник увидел, как лазурная стена чуть зримо задрожала от того мощного толчка, закачалась, зарыбила своей гладкой, светящейся поверхностью, однако выстояла и отбросила волну вспять. Волна откатила назад на малеша, застыла, словно набираясь сил, собралась в вышине над морской поверхностью в плотный ком воды, напоминающий здоровущий кулак, и сызнова наскочила на стену своей пенящейся чуть загнутой гривой. Закачалась, затряслась и даже будто зазвенела стена, но и в этот раз не поддавалась, стремительно оттолкнув от себя воду, не допуская ее до таящейся за ней ладьей. И когда волне опять не удалось пробиться через стену, она упала вниз, смешалась с бурлящими водами и пропала.

И тогда вдруг почернела морская вода, волнение на ней враз прекратилось, замер ветер, дотоль клокочущий в поднебесье, и наступила тишина. Еще мгновение того напряженного безмолвия и разрывая водную гладь надвое из моря, на золотой колеснице запряженной восьмью черными конями, выехал сам поддонный царь Черномор. Он остановил свою колесницу прямо на морской глади воды, и, направив на стену лазури громадный черный батог увитый водорослями, что-то громко закричал. Стена лазури заколыхалась, задрожала, и, рассыпавшись на сотни крошечных крупинок, упала в море. Черномор неспешно вылез из своей колесницы и приблизился к ладье, ступая по воде как по земле, а море внезапно и вовсе стало точно стеклянным. Черномор был высокий, почти втрое выше любого человека, мужчина с руками и ногами, с зеленоватой кожей, обряженный в легкое, прозрачное, голубоватое одеянье, с зелеными длинными волосами, и такой же бородой и усами. Стоило ему подойти к ладье, как немедля из воды стали появляться разные морские жители. Зрились там фараонки, полурыбы—полулюди, голые с рыбьими хвостами с темными, почти черными лицами и светлыми, чуть голубоватыми

волосами, с зелеными усами и бородой обмотанными водорослями и утыканными мелкими ракушками. Фараонки, морща свои и так не джуге лицеприятные лица, восседали на конях-полурыбах, темно-синего цвета у которых заднюю часть тела заменял рыбий хвост. Морские русалки, белолицые красавицы со светлыми распущенными волосами и зелеными глазами, с высокой, полной грудью, оные всплыли подле колесницы, и, придерживая буйных коней своего повелителя, безмолвно застыли. Появились на морской поверхности: огромный сом с большим усом; налим — толстогуб; щука зубастая, каковая оскалила громадный ряд зубов и громко ими щелкнула. Все рыбы были просто таки огромного размера и, также как и русалки, окружили колесницу, уткнувшись своими прозрачными, рыбьими глазами в незваных гостей.

Черномор осмотрел ладью, вперился в Святозара взглядом, и даже как-то поморщил свой высокий зеленый лоб, затем медленно встряхнул головой, по-видимому, прогоняя наваждение и наклонившись, легонько дунул на ладью, да так, что суденышко закачалось вправо-влево, будто его вновь подтолкнули волны. Черномор меж тем поднял голову вверх, и, устремив взор в небо, громко засмеялся, отчего внутри у него вроде как забулькало что-то.

— Ишь, ты каков, стену воздвиг, — прекращая смеяться, обратился к Святозару Черномор. — Чтоб, значит, волны мои ладью задеть не могли. Верно хороший ты ведун, да в себе слишком уверен, что вызвал меня самого Бога и царя подводного мира на бой.

Святозар услышав речь Черномора, весь побелел, а тело его тотчас покрылось холодным потом. Юноша порывчато вздел руку, утер враз взмокший лоб ладонью и громко прокричал в ответ:

— Великий Бог Черномор, приветствую тебя в твоих владениях в Восточном море...

— Вот то тоже в моих владениях, — перебил наследника морской царь и свел вместе свои зеленые мохнатые и шевелящиеся брови. — В моих владениях... слышишь в моих. А ты кто таков будешь, что пришел сюды, магией своей волны мои останавливаешь, да не принес как положено в жертву, человека.

— Я, царь поддонный, Святозар, наследник престола славной Восурии, сын Ярила, по реклу Щедрый, потомок великого ведуна Богомудра, — все тем же зычным голосом, пояснил наследник.

— Богомудра, Богомудра..., — озадаченно произнес Черномор, словно пытаюсь, что-то вспомнить, да еще пристальней взгляделся в Святозара, и опять встряхнул головой. — Не знаю, никакого, Богомудра, — добавил он миг спустя. — Хочу жертвы, где жертва, принеси мне в дар человека, а иначе не пушу дальше.

Святозар увидел краем глаза, как на палубу стали выходить дружинники и воины, и точно цепенеть около кормы.

— Вот, — указав пальцем на Сема, крикнул морской царь. — Его хочу! Его... Добрый молодец! обращаю его в своих слуг фараонков, мне надобно войско свое пополнять.

Святозар обернулся и глянув на побледневшего брата, гневливо молвил:

— Мы, царь морской, великий восурский народ! Мы всегда имели истинную и чистую веру, которая не требует человеческих жертв! Богам своим мы приносим жертвы, но только жертвы от трудов своих!

— Ишь, ты, великий народ, который не приносит кровавые жертвы своим Богам, — сказал Черномор и засмеялся, — ха, ха, ха... — Да повысив голос так, что море заходило ходуном, зычно протрубил, — а я хочу человека! Слышишь, ты, восур, человека.

Святозар повернул голову к друзьям и воинам да слегка качнув ею, негромко проронил: «Уходите, уходите в омшаники», а когда узрел, как они суматошливо тронулись в помещения, звонко гикнул, обращаясь к Богу:

— О, царь морской Черномор, не бывать такому никогда. Восуры не принесут тебе в жертву человека.

— Может, ты, мальчишка, со мной силой потягаться хочешь? — негодуя спросил Святозара морской царь да кажется и сам весь потемнел, в тон морской воды.

— Я, Черномор, человек, а ты Бог, и не может моя сила равняться твоей, — разумно заметил наследник, не отводя своих голубых глаз от темно-болотного лица повелителя моря.

— Ха... так чего же ты хочешь тады? — удивленно качнув головой, спросил Черномор.

— Вызови любого из своих слуг, и мы померяемся с ним силой, — поспешно ответил Святозар. — И коли победа будет за мной, ты отпустишь нас с миром.

— А коли победа будет за моим воином? — заинтересованно поспрашал морской царь и кожа его сызнава приобрела положенный ей от рождения зеленоватый цвет.

— Тогда возьмешь жертвой меня, — немного помолчав, и обзрев пугающее своей безобразностью воинство морского царя, молвил наследник.

Черномор посмотрел на Святозара, нагнул голову и приблизил к нему свое лицо, да, верно, задумался, словно лицо наследника ему показалось знакомым, но судя по всему так и не припомнив, где же он его видел, выпрямился и сказал:

— Что ж, согласен, коли выиграешь бой, Святозар не трону твою ладью, отпущу с миром, а коли проиграешь, заберу к себе. И оно как ты больно разумен, сделаю тебя своим головным подручником. — Бог присел на корточки, тронул морскую гладь, и, когда она закрутилась, завертелась по кругу под его рукой и образовала неширокую уходящую вглубь дыру, громко в нее крикнул, — Ракушечка, поди, поди сюды...

Мгновение спустя позади Черномора пошли по морю огромные круги и захлупали, полопались здоровущие пузыри, морской царь встал и обернулся, наблюдая за движением воды. А морг погода на поверхность моря вынырнуло чудище, около двух саженей в длину. Тело чудовища было как у краба овальной формы покрытое жестким панцирем, и с восьмью крепкими ногами, две из которых венчались мощными клешнями. Сзади как у рака у Ракушечки находился длинный толстый хвост зелено-бурого цвета, по обеим сторонам морды красовались длинные усы, будто змеи сами по себе шевелящиеся. Ракушечка выплыл на поверхность и стукнул по воде хвостом таким образом, что вызвал волну, да привстав на хвосте, защелкал своими клешнями, как будто говорил, обращаясь к наследнику: «Вот, вот, полюбуйся, как я тебя сейчас перекушу-то».

— Черномор, — не сводя глаз с щелкающих клешней чудища, молвил Святозар. — Дай только слово, что пока я буду биться с твоим воином, ты не тронешь моих ратников и ладью.

— Обещание... ха..ха..ха.. Хорошо, даю тебе обещание, Святозар, — очень торжественно прогремел морской царь, да пошел к своей колеснице, по пути погладив своего Ракушечку, по громадной клешне. А когда взобрался в колесницу, развалился в ней, решив верно получить от победы своего воина истинное наслаждение.

— Стоян, — оглянувшись Святозар и позвал друга, который так и не ушел в омшаник. — Подойди, — и когда тот приблизился тихо, сказал, — Стоян вынеси мой меч и положи его на эту крайнюю лавку. И если я погибну, поворачивайте ладью и плывите обратно домой, потому что без меня вы до Беловодья все равно не доберетесь.

— Святозар, — еле выдавил из себя, бледный Стоян.

— Ты, был всегда добрым другом, Стоян. Но я, может быть, не смогу устоять перед желанием стать у самого морского царя и Бога Черномора головным подручником, и сойду к нему на дно. Кто знает? — и, улыбнувшись, зыркнул смеющимися глазами на друга, да только сын Дубыни услышав то побледнел еще сильнее. — Что ж, Стоян верно ты не оценил мою шутку. Так что ступай и выполни тогда мое поручение, — добавил Святозар. А сам сняв с себя кафтан, и, положив его на скамью, слегка повел покатыми плечьями и молвил, обращаясь к Черномору, — царь поддонный объявляй поединок!

И лишь только Черномор махнул рукой, как Святозар обернулся орлом и взлетел в небо. Он свершил махонистый круг в поднебесье, пролетев над ладьей, колесницей Бога и его воин-

ством, да стремительно снизившись, приблизился к чудищу и начал кружить над ним. Ракушечка приподнялся на хвосте из воды, и громко щелкая клешнями, старался ухватить птицу. Наследник пролетая над ним, резко снизился да клюнул рака в голову подле глаза, но панцирь там оказался таким плотным, что клюв орла не оставил на нем даже царапины. Святозар попытался тогда клюнуть Ракушечку в глаз, но стоило ему приблизить к нему свой загнутый клюв, как тотчас око закрылось плотным, таким же, как и панцирь веком, а клюв орла только проскользнул по нему. Наследник порывисто взмыл вверх, а мгновение спустя вновь снизился и вцепился клювом в длинный ус, пытаясь его оторвать. Но не тут-то было, потому что рак вдруг резко мотнул из стороны в сторону усом, и Святозар закружился, завертелся, как «волчок» и немедля отпустил его. Да все так же крутясь, словно попал в водоворот, полетел прямо к поверхности моря. В последний миг перед падением на воду наследник тяжело взмахнул крыльями, и почти коснувшись лапами воды, взлетел вверх, а сзади услышал страшный щелчок... это Ракушечка всплыл на том месте, где только, что чуть не упал в море орел.

Святозар развернулся и полетел на ладью. Обернувшись собой, он звонко плюхнулся на ее дно, но тут же вскочил и туго задышав, подбежал и схватил лежащий на лавке великий меч ДажьБога, а затем поспешил к борту ладьи. Когда наследник вскочил на борт ладьи, к ней подплыл щелкающий клешнями рак, и направил прямо на грудь наследника свою ужасную клешню. Святозар резво присел и услышал, как над головой вновь щелкнуло. Рак, на мгновение, опешив, попятился назад, чтобы разглядеть, куда же подевался его поединщик. А наследник также стремительно вскочил, взмахнул волшебным мечом и отрубил раку сначала одну клешню, а когда рак от неожиданности покачулся на хвосте, и другую клешню. Из образовавшихся ран на ладью и в воду потекла вязкая, зеленая жидкость. Чудище взревело, а Черномор обидчиво вскрикнул. Святозар немедля спрыгнул с борта, положил меч на лавку и стал читать заговор, а пару мгновений спустя обернувшись орлом, сызнова взмыл ввысь, закружив в вечеряющем небе. Внезапно наследник почувствовал резкую боль в груди, перед очами на малеша появился густоватый, белый дым, и его едва закачало. Орел потряс головой, и взглянул на грудь, по перьям малой струйкой потекла кровь. Святозар кинул взгляд на небосвод, за которым только, что скрылось солнце, и, опустив голову, увидел, как Черномор, ударил своим батогом по водной глади, и она вдруг засветилась изнутри ярко-зеленым светом, давая возможность продолжить бой при свете морского дна. И тогда Святозар преодолевая острую боль в груди, подлетел и закружил над раком, а чудище начало привставать на хвосте, пытаясь культишками ног смахнуть птицу в воду.

Наследник выставил вперед лапы увенчанные когтями и зашептал заговор: «О, Велес, Бог Богов, которому вечно поклонялись мореплаватели! Услышь меня и вложи мне в когти сети рыбацкие, да такие мощные, чтобы не смог их враг мой, чудище морское разорвать, да такие крепкие, чтобы тянули они его к морскому дну, и чтобы выплыть, он не смел. Да, будет крепко слово мое, как камень-Алатырь, всем камням-камень, всем отцам отец!» И как только дочитал заговор Святозар, из мощных орлиных когтей выпали переливающиеся лазурью тонкие сети и полетели вниз, но по мере приближения к подпрыгивающему на воде раку, ажурные нити на них стали набухать и увеличиваться в ширине и крепости. А когда наконец-то достигли, на чуток вжавшегося в морскую гладь телом, чудища упав на него сверху превратились в толстые, громадные и крепкие сети. Рак, на малость замерший под ними, нежданно торопливо нырнул под воду, но те словно прилипнув к его тело, направились следом. Выплыв на поверхность воды Ракушечка суетливо крутанулся, верно, пытаясь таким образом освободиться, однако сети, вроде живых, еще сильнее набухли и оплели, опутали его всего своими толстыми, кручеными веревками, обратив в здоровущую кутанку. Святозар опустился ниже, зависнув над спеленованным раком, да принялся толкать лапами его под воду, все время шепча: «На дно, на дно, тяните моего врага сети рыбацкие. Именем светлого мореплавателя

Бога Велеса! «И тогда вода забурилась, по ней пошли круги, да громадные лопающиеся пузыри, а мгновение спустя она расступилась и поглотила воина морского царя.

Святозар прерывисто дышал, возвращаясь на ладью, а подлетев к ней, тягостно опустился на палубу, и, перекувыркнувшись через голову, обрел свой истинный образ. Наследник с трудом поднялся на подкашивающиеся ноги, подошел к борту и громко крикнул Черномору, недовольно взирающему на него со своей колесницы:

— Я победил твоего поединщика, морской царь. Теперь ты исполни свою часть уговора и пропусти нас!

— Я слово свое держу, — загромыхал Черномор. — Но мой поединщик тебя задел, гляди ты весь в крови.

Святозар воззрился на грудь, рубаха и верно была вся в крови, да не мешкая пояснил:

— Нет, твой поединщик меня не задел. Это рана оставлена злобным колдуном, из-за нее я приплыл сюда, в поисках острова Буяна, чтобы в волшебной стране Беловодья излечиться.

— Ладно, Святозар, наследник Восурии, я люблю смелых и храбрых воинов... Посему исполняя свою часть уговора, и, пропускаю вас. Плыви спокойно по моим водам! Прощай! — сказал Черномор, а сам тронул свою колесницу.

Кони заржали, да так громогласно, что Святозар закрыл уши руками, пугаясь за свой слух, они яростно затопали ногами по морской глади, и тогда под их копытами вода пришла в движение и, расступилась, образовав под собой огромную круто уходящую вниз расщелину. А кони как-то странно подпрыгнули и махом нырнув в ту расщелину, утащили за собой колесницу с Черномором, который на прощание помахал Святозару батоном. Как только в расщелине исчез морской царь, за ним следом двинулись воины фараонки, погоняя своих полуконей—полурыб, морские русалки и морские рыбы. Сомкнувшаяся вода разошлась кругами и вызвала небольшие волны, оные докатились до ладьи и легохонько ударились о ее борт.

И как только на море установилась тишина, наследник обернулся к друзьям и воинам, спешащим к нему, и слабо улыбнулся.

— Святозар, — приблизился к нему Стоян и крепко обнял. — Слава Богам ты жив и победил это чудище!

— Да, друг мой, я все же решил остаться наследником Восурии и не спускаться к Черномору на дно морское, да становиться у него самым главным подручником, — ответил Святозар и едва слышно засмеялся.

— Эх, — заметил Стоян. — Все ты шутишь, даже в такие мгновения.

— Да, что ж Стоян не пошутить, ведь поединок выигран. Путят, — обратился к старшему ладейнику, замершему невдалеке, наследник. — Принесите в дар Черномору, как и положено у нас восуров, просо и жир. И отправляйся в путь, а то мы и так много времени потеряли, пока я тут свои крылья пробовал.

Путят подошел к Святозару и крепко по-отцовски обнял того, с трепетом в голосе сказав:

— Ах, наследник, я был к тебе несправедлив, полагая, что ты слишком юн. Но сегодня, увидев твою магию и храбрость, я благодарю Богов, что именно ты как ведун отправился с нами. Шторм, который погубил ладью моего брата на обратном пути из Беловодья, был вызван Черномором, требовавшим человеческой жертвы, но так как восуры отказались ее принести, а ведуна уже среди них не было, то морской царь, вызвал волну и потопил ладью.

— Спасибо, Путят за добрые слова. Но если я еще немного задержусь тут, — откликнулся Святозар и прижал ладонь к кровоточащей груди. — То поверь мне, вам придется уже уносить меня в омшаник. И чтобы этого не случилось я пойду, а ты Путят выполни то, что я попросил.

Наследник, опираясь на плечо Стояна, двинулся к корме судна, среди расступающихся друзей и воинов, а те радостно его провожая, похлопывали по правому плечу и спине, выражая тем самым благодарность, за спасение их жизней. Наследник на миг задержался возле Сема, и, положив правую руку брату на плечо произнес:

— Что Сем тебе, верно, как и мне не хотелось идти в услужение к Черномору?

Сем усмехнулся, резко покачал головой и густым голосом ответил:

— Да, уж верно брат не хотелось мне с таким черным, словно невытым лицом ходить, да на полуконях скакать.

— И скажи ж, Сем сразу углядел тебя морской царь среди всех моих дружинников. Но, я брат, знаешь, тоже не глуп, и своими друзьями витязями не раскидываюсь, — молвил Святозар, и крепко сжал плечо брата, да в сопровождении Стояна пошел к себе в омшаник.

Глава третья

Утром, следующего дня, отдохнувший наследник, вышел из омшаника, и, оглядевшись по сторонам, пошел сквозь ряды гребцов на нос ладьи, где находился Путят, тот заметив и широко улыбнувшись, приветствовал Святозара:

— Здравствуй, наследник, ну как ты отдохнул, как твоя рана?

— Со мной все хорошо, — ответил Святозар, и, махнул рукой вдаль, указывая на море. — Что Путят далеко ли мы прошли?

— Трудно сказать наследник. Но мне кажется, что треть пути пройдено. После того, как мы вчера принесли дары Черномору, подул ветер и мы за ночь прошли много, а с утра гребцы сели за весла так, что... — И старший воинов-ладейников смолк пронзительно зыркнул на Святозара да чуть тише добавил, — так, что впереди верно ждут нас великанские острова.

— Что ты про них Путят слышал от брата? — спросил заинтересованно Святозар.

— Брат мой рассказывал мне, что они подошли очень близко к ним, а воин, заметив на берегу, движение их во время предупредил. Тогда ведун прочитал заговор, и великан заснул, — пояснил Путят, нежно поглаживая свою бороду.

— Да, я тоже это слышал от Дубыни и Храбра. Вот только одно меня тревожит, как мы сможем распознать великанский это остров или нет, — молвил Святозар и снял с себя кафтан, так как поднявшееся ввысь летнее жаркое солнце, нагрело не только воду, не только ладью, но и людей находящихся на ней.

— Будем наследник, надеяться на глаза наших воинов, — начал Путят, и, воззрившись с нескрываемым почтением на Святозара, дополнил, — и на твою магию.

— Хорошо, Путят, — согласно кивнув головой, откликнулся Святозар и улыбнулся, в душе радуясь, что обрел уважение такого человека как Путят. — Тогда знаешь, что... я сейчас позову моего дружинника Горазда, он у меня лучший лучник, и мы поставим его на нос ладьи, да пусть он за морем и наблюдает.

— Вот и славно, наследник, — заулыбался Путят Святозару. — А я позову моего воина Волка. Он у меня тоже прекрасный лучник, и пускай они сообща за морем то и приглядывают.

Так Святозар да Путят и поступили. Они подозвали Горазда и Волка, поставили их в нос ладьи, чтобы они, как выразился старший воинов-ладейников, приглядывали за морем.

Впрочем, море на удивление было спокойным, и насколько хватало глаз мирным. К середине дня на до этого почти безжизненной водной глади вдруг появились какие-то большие рыбы с гладкой, бело-розоватой кожей с высокими плавниками и с длинными, узкими словно птичьи клювы мордами. Рыбы подплыли так близко, что их стало возможным хорошо разглядеть, и принялись высоко выпрыгивать из воды, будто стараясь обозреть плывущих на ладье. Гребцы завороченные доселе никогда не видимыми рыбами даже перестали грести, и преклонившись через борт наблюдали за ними. Но Путят заметив замедлившийся ход ладьи, развернулся и прикрикнул на гребцов, те снова взяли за весла и налегли на них. Рыбы еще некоторое время плыли рядом с ладьей, а после, точно прощаясь, выпрыгнули высоко, перекувыркнулись, и, нырнув под воду, пропали:

— Может это слуги Черномора? — спросил Путят Святозара, так словно тот, победив поединщика морского царя, мог теперь спокойно угадывать в любом морском существе слугу Черномора.

— Да, нет, не похоже... — задумчиво протянул Святозар, зачесывая назад упавшие на лоб кудри волос. — Ты ведь видел вчера, каковы слуги у морского Бога, все как на подбор чудища и страшилища. А эти рыбы, были явно мирными.

— Я слышал, наследник, что помимо царства Черномора есть в море и еще одно. Когда-то давным давно солнечный бог Ра обратился в Ра-реку великую, а его супруга Владычица моря

Волыня правившая в большом царстве на суше, где жили люди и Боги, последовала за ним и опустилась вместе с островом на морское дно. Может это и есть слуги Владычицы Волыни, — молвил старший воинов-ладейников.

— Что ж, Путят, тогда нам, верно, их опасаться не стоит. Потому что Владычица моря Волыня, на сколько я слышал, справедлива и добра, — отметил Святозар, промеж того рассматривая голубую даль моря, будто сливающуюся с небом по поверхности коего ползли маленькие лохматые белые облака, напоминающие пасущихся овец.

— Твоими устами да мед пить, наследник, — мудро изрек Путят.

— Земля, земля! — внезапно указывая в бездонное море, закричал Горазд.

Путят и Святозар торопливо подошли к Горазду и принялись всматриваться в ту сторону, куда указывал дружинник. Лишь немного погодя, воин Путята Волк тоже сказал: «Вижу, вижу, остров это».

— Ну, и глазастый же ты, — одобрительно глянув на Горазда, заметил Путят.

Прошло еще какое-то время и сначала Святозар, а вскоре и сам Путят увидели еле видимую зернышко-остров.

— Что, ты видишь Горазд? — спросил наследник.

Горазд обхватив рукой нос ладьи и почти прижавшись к голове медведя, застыл, вглядываясь вдаль, а потом, уступив место Волку, подошел к Святозару и Путяту да пояснил:

— Впереди большой остров, на острове возвышаются горы, а берег весь каменистый, ни одного деревца.

Наследник переглянулся с Путятом, и вновь спросил Горазда:

— А более ничего не видно, — да слегка понизив голос, добавил, — ну, каких-нибудь существ?

— Нет, Святозар, лишь камни, — помотав отрицательно головой, откликнулся Горазд.

— Что наследник, будем делать, подойдем к острову или нет? — весьма встревоженным голосом поинтересовался Путят.

— Да, я и не знаю право дело, — раздумывая и почесав пальцем бровь, заметил Святозар. — Наставники ничего не говорили о том, что на великанских островах есть горы. А вот на острове Буяне возвышается Сарачинская гора.

— Послушай, наследник, — предложил старший воинов-ладейников, и наново погладил свою бороду, придавая ее волосам ровности. — Давай сделаем так, подойдем поближе к острову и осмотримся. Может это и не великанские острова, мало ли в Восточном море островов. И коли не великанские, так пристанем к берегу и пополним запасы пресной воды. Ну, а если великанские, так ты наследник будь настороже.

— Ладно, Путят, так и поступим, — согласился Святозар. — Предупредим людей и на всякий случай приготовимся к бою, — досказал наследник, и, оставил Горазда и Волка наблюдать за движением на острове.

Сам же развернувшись, и, призвав воинов—ладейников и свою дружину, оные услышав о появлении земли, высыпали из омшаников и толпились подле бортов ладьи, всматриваясь вдаль, к вниманию громко молвил: «Воины и вы други мои! Впереди вы видите остров, мы не знаем остров ли это Буян, или какой другой, но мы должны быть готовы к бою... Оно как может быть это так прозванные великанские острова, на котором живет злобный великан. Он забрасывает проходящие мимо острова ладьи камнями. Мы решили с Путятом подойти ближе к острову и оглядеть его. Если это не великанский остров пристанем и пополним запасы пресной воды. Ну, а если великанский, то тогда, как можно скорее уплывем... А пока будьте наготове и вооружитесь». Святозар закончил, и, воззвись на старшего своей дружины, попросил:

— Стоян, друг мой, принеси мне будь добр мой лук и колчан со стрелами.

Стоян без задержу развернулся и пошел выполнять поручение наследника и тогда все поколь стоявшие на месте воины и дружинники также засуетились и двинулись вооружаться.

Стоян вышел вmale из омшаника и принес наследнику лук и стрелы. Святозар приняв полный колчан стрел, повесил его на спину, а лук закинул на левое плечо и обеспокоенно уставился взором на медленно проступающий ребристым ваянием на глади воды остров.

Ладья быстро приближалась к острову, и вскоре он был виден уже весь. Высокие каменные горы упираются в небесную высь, такой же каменистый берег, усыпанный громадными валунами, ни одного деревца, ни кустика, ни травинки. Остров явно был безжизненным. Ладья, рассекая морскую гладь, словно подлетала к берегу, а наследник успокоенный тем, что это не великанские острова отвлекся на разговор со Стояном, стоящим рядышком, как вдруг услышал истошный крик Молчуна:

— Святозар, смотри, смотри! — друг указывал рукой на берег.

Наследник посмотрел по направлению руки Молчуна и увидел, как там где только, что лежали бездыханные, огромные валуны, нежданно зашевелился камень. Лишь миг спустя он понял, что на самом деле то не валуны, а голова, тело, ноги и руки великана, который заметив подходящую ладью, принялся подниматься с берега. Великан по первому тягостно поднял голову, взмахнул руками, морг погодя порывчато сел. Он неспешно повернул голову в сторону моря, вонзился взором в ладью, и тотчас резво вскочил на ноги, да выпрямившись, встал в полный рост. Сажени три в высоту, с громадными руками и ногами, местами покрытой густой шерстью в тон камню, великан был гол и страшен. Там где на теле у него не росла шерсть зрилась смуглая, почти черная кожа. У великана было весьма крупное лицо и большой выдающийся вперед лоб, который нависал над глазами и делал его обладателя не только страшным, но еще и уродливым. Громадные на пол лица, будто блюда, глаза, широченный нос и какой-то безгубый рот, да черные, спадающие до плеч патлатые волосы.

Святозар подбежал к борту ладьи, и, направив руку на великана, торопливо зашептал заговор, однако внезапно услышал крик Горазда: «Великан, смотрите, второй великан!» Наследник стремительно повернул голову, и увидел, как от горы отделился еще один великан. Он был также страшен, как и первый, с таким же цветом кожи и волос, выдающимся вперед лбом, огромными глазами и безгубым ртом, но в отличие от первого смотрелся менее рослым.

В тот же морг первый великан схватил здоровущий валун и швырнул его в ладью. Святозар услышал, как Путят крикнул рулевому поворачивать, и сам кинулся к нему на помощь. Наследник следил за полетом громадного валуна, а когда тот стал приближаться, поднял руку и зашептал: «Высоко в небесном чертоге сидит сам Бог Перун, Бог грозы и войны! Повелевает Перун водой и молнией, расправляет серебряные усы и трясет серебряными кудрями! Как когда-то победил ты Скипер-зверя, как когда-то разломал леса в щепки, развел руками быстрые реки, и, наехав на высокие горы, подчинил себе толкучие горные твердыни! Так ныне дай мне мощь побороть горные камни и смирить их силы! И твоим именем да будет так!» Последнее слова Святозар уже громко гикнул и немедля полет камня прекратился, он, словно завис в воздухе, все еще продолжая вертеться. Наследник поднял вторую руку, и почувствовал, как напряглись не только руки и ноги, но и все его тело, желая удержать камень в воздухе. Еще чуть-чуть и Святозар, точно сам обладал великой силой, подтолкнул камень и тот, продолжая вертеться, направился обратно к великану, однако, не долетев, упал в пяти шагах от берега в воду. Наследник видел, как выпучив глаза, великан зычно загудел и кинулся к скале, вырывать камень побольше. И тогда Святозар снял висевший на плече лук и оглянулся на другого великана, также кидающего камни в ладью. Но этот, второй, великан был явно слабее первого, потому бросал лишь небольшие камни, которые не долетали до ладьи, а вызывали лишь малые волны.

Наследник, не мешкая, натянул тетиву, пустил стрелу и начал читать заговор, его стрела подлетела к маленькому великану и остановилась в некотором удалении. Великан заметил жужжащую стрелу, бросил на берег, уже поднятый камень и застыл на месте, протянул в направлении ее руку пытаясь прогнать или сбить полет. Да тока стрела проворно взяла чуть

правее так, чтобы великан не смог до нее дотянуться. А Святозар тем временем пускал одну стрелу, за другой, и вот уже около великана образовался целый рой из них. Други пытались также стрелять в великана, но их стрелы не повисали в воздухе, а лишь едва задевали толстую его кожу, не причиняя ему особого вреда. А когда наследник пустил последнюю стрелу и она, так же как и ее сестры, повисла в воздухе, образовав плотное облако, Святозар перекинул лук через плечо, направил обе руки на движущуюся жужжащую массу и громко крикнул: «О, стрелы каленые, пущенные из лука, сделанного из древка, добытого в Сумрачном лесу, от Старого Дуба, который стерегут духи леса и сам Бог Свято-Бор, гоните великана, жальте его как осы, и до тех пор, пока моя ладья, ладья ведуна Святозара, не покинет пределы острова!» И как бы подтолкнул руками облако к великану. Стрелы, будто только и ждали того, торопливо ринулись на великана и стали его жалить, но теперь, в отличие от стрел дружинников, они верно, как осы доставляли ему боль. Потому что стоило только одной стреле воткнуться в кожу великана, а морг погода выскочить из тела и выровняться в строю облака, великан громогласно взвыл и стал потирать уколотое место, где враз образовался громадная черная шишка. Следом другая стрела, вонзилась в плечо великана, и тоже выскочила, и снова на месте укола появилась здоровущая шишка. Не успел великан потереть плечо, как стрелы-осы уже начали жалить его без разбору в голову, щеки, руки, грудь. И каждый раз стрелы, подобно живым возвращались в строй, а на месте укола вскакивала черная шишка. Великан еще раз громко вскрикнул и кинулся бежать от жалящих его стрел.

Стоило лишь второму, маленькому великану покинуть, отбиваясь от стрел, берег, убежав повдоль рубежа воды и суши, как Святозар тут же перевел взгляд на первого, каковой, несмотря на то, что в него летели стрелы другов, уже оторвал большущий кусок скалы. Великан, торопливо развернувшись, сначала тревожно зыркнул на орущего и убегающего маленького великана, да как-то по злому заревев, поднял камень над головой. Наследник глянул на камень и понял одно, что такой он точно не сможет удержать своей магией, и, направив на великана руку, как можно звонче гикнул: «Остынь, осядь! И водой плакучей умойся! Да, будет слово мое крепко!» И в то же мгновение из глаз великана потекли слезы. Да так обильно, что не ожидавший того великан опустил руки с поднятым вверх куском скалы вниз, и, уронив камень на берег принялся утирать глаза. И как только он провел тыльной стороной ладони по очам, слезы побежали еще обильнее и его прямо-таки стали сотрясать рыдания. Он вдруг страшно застонал, закачался вправо-влево да опустился на берег, продолжая утирать слезы и гулко хлюпать носом. Руки и ноги у него тряслись, голова подпрыгивала, и со стороны казалось, что у великана страшная беда, которая может быть смыта лишь такими потоками слез. Утирая глаза, великан поднял руку вверх, и, покачиваясь, сжал кулак, а после наново затрясся не в силах подавить рвущиеся из него рыдания.

Святозар оглянулся на Путята, оный как только наследник стал читать заговоры, прекратил движение ладьи и спешно сказал:

— Путят, поворачивай ладью, пока они оба так сильно заняты. — Наследник снова повернулся к великану и зычно прокричал, — эй, великанша, дочь Анта Велесича и Прии Богумировны! Мы не хотели ничего худого тебе и твоему сыну. Как только ладья отойдет от острова, магия иссякнет! Живи с миром!

Ладья уже уплывала от острова, когда Путят подошел к Святозару и криво усмехнувшись, спросил:

— Интересно мне узнать, с чего это ты наследник решил, что она великанша, а он ее сын.

Святозар повернул голову к старшему воинов-ладейников, и, пожав плечами да широко улыбнувшись, пояснил:

— Ты вроде пожилой уже Путят, странно, а грудь то у нее и не приметил. А он точно ее сын. Первое уж очень на нее похож, и молод. Второе, одиннадцать лет назад дружинники отца

видели здесь лишь одного великана, значит, второй появился здесь недавно. Вот и не мудрено понять, что она мать, а он ее сын.

— Ишь, ты... — Удовлетворенно воззрившись на Святозара, и стукнув его ладонью по спине, добавил Путят, — ну, и мудр же ты, наследник.

Спустя какое-то время остров скрылся из виду, и оказалось, что все же один из камней брошенных маленьким великаном достиг цели и повредил обшивку ладьи так, что в судно стала набираться вода. Путят вместе со своими воинами кинулся заделывать пробоину в обшивке. А когда весь мокрый и усталый вылез из омшаника, где хранили провизию и глянул на обеспокоенного Святозара, молвил:

— Дыра небольшая, мы ее конечно залатали, но хорошо бы к берегу пристать.

— Может я, что смогу сделать? — спросил наследник, и потер меж собой ладони, будто прямо-таки сейчас намеревался закрыть пробоину.

— А ты такое когда-нибудь делал? — очень серьезно переспросил Путят, и, сняв мокрую рубаху, принялся вытирать утиральником голову и лицо.

— Да, нет вроде... Но я, если честно, до этого момента и великанов тоже не побеждал, — пояснил Святозар и глянул на оторвавшегося от утиральника старшего воинов-ладейников.

— Ну, тогда, — однако Путят так и не удалось договорить, потому что Горазд и Искрен указывая в воду рукой, позвали наследника.

Святозар подступил к друзьям, и, оперившись руками об борт ладьи, преклонившись через него, увидел в море тех же больших рыб с бело-розовой гладкой кожей. Рыбы высоко выпрыгивали из воды, приближаясь к ладье, а поравнявшись с ней, всплыли на поверхность. И одна из них поглядела на наследника чистыми голубыми глазами открыла свою узкую, точно птичий клюв, морду и заговорила на человеческом языке: «О, великий ведун, называющий себя Святозар, наш владыка великий царь Альм, зовет тебя посетить блаженную лебединую страну альвинов Эвлисию, что покоится ныне на волшебном острове в Восточном море! — И когда, потрясенный Святозар, молча кивнул головой, добавила, — тогда следуйте за нами», — и вместе с другими рыбами обогнала ладью да поплыла впереди нее. Наследник повернулся, и, повелев рулевому следовать за рыбами, сам застыл, словно окаменев, на месте.

Глава четвертая

Ладья, ведомая рыбой, бесшумно скользила по водной глади, когда внезапно прямо перед ней выросла, поднявшаяся из-под воды еле заметная туманная дымка. Как только суденышко вошло в покрытый курящимися испарениями завес, подул едва заметный ветерок и дым стал пропадать, а перед Святозаром и его людьми открылся удивительный остров. На сколько, хватало глаз, зрел наследник прекрасные хрустальные дворцы с многочисленными башнями, раскиданными среди цветущих садов и лугов. Издалека долетала чудесная музыка и высокий, тонкий голос выводил слова песни. Ладья приблизилась к причалу, который был сотворен из прекрасного белого камня, весьма гладко обтесанного, отчего падающие на него лучи солнца отражались нежным голубоватым сиянием. Святозар видел, как рыбы, что вели ладью, подплыли к причалу, они высоко выпрыгнули из воды, немедля обернулись в воздухе, и, приняв человеческий образ, опустились на него сверху. И только после того неспешно повернулись к уже причалившей ладье. На борт ладьи легли хрустальные сходни, и Святозар обратился к Путятю:

— Я пойду со своей дружиной во дворец. У царя Альма, я попрошу провизии и пресной воды, а ты Путят вместе с воинами заделайте дыру в обшивке. — Наследник смолк, точно чего-то обдумывая, а посем молвил стоящему рядом Лелю, — брат возьми с собой гусли.

А когда Лель вернулся из омшаника с перекинутыми через спину гуслиями, Святозар оглядел своих друзей, будто, оценивая их, и оставшись довольным их бравым видом, двинулся по хрустальным сходням вниз на причал. Альвины, что вели ладью и теперь встречали наследника, были очень высоки, почти на поларшина выше, самого высокого дружинника Любима, с белой, прозрачной кожей и такого же цвета длинными, волнистыми волосами. Их лица были не просто красивы, они были безупречны. Высокий лоб, небольшой с едва заметной горбинкой нос, алые, тонко очерченные губы и крупные, глубокие небесно-голубые глаза. Одеты они были в прекрасные бело-розовые одеянья похожие на тонкие, струящиеся будто вода рубахи, длина которых достигала колена и перетянуты широкими золотыми поясами украшенными дорогими камнями. Ноги их были обуты в легкие прозрачно-розовые сандалии. Святозар знал, что это древняя обувь, каковую иногда еще носили другие народы, такие как неллы, жившие на южной границе с Восурией и ведущие с ней торговлю. Альвины подошли ближе, и наследник заметил, что вокруг незнакомцев курился слабый золотистый свет. Один из них низко поклонился Святозару и высоким, громким голосом сказал:

— Приветствуем тебя, великий ведун, называющий себя, Святозаром, в стране альвинов Эвлисии, и просим тебя и твоих могучих ратников посетить дворец нашего царя Альма!

И сызнова поклонившись, да указывая рукой направление повел их сквозь хрустальный город, к высокому дворцу с затейливыми резными башенками, каковой стоял на небольшом возвышении в середине острова.

В городе утопающем в садах и «чистых» рощах повсюду высились прекрасные дворцы разной формы, то круглые, то квадратные, то даже овальные со множеством разных башенок и окошек и все они нежно светились и переливались всякими цветами: и голубым, и белым, и желтым, и розовым. Дорога, по которой вел Святозара с дружиной альвин, была подстать дворцам тоже хрустальная, и так прозрачна, что можно было разглядеть сквозь нее землю и дажедвигающихся под ней существ. В многочисленных садах ветви деревьев были увешаны крупными плодами. Наследник увидел вишню, яблоню, орешник, но многие деревья зрел впервые. Одно из таких деревьев особенно поразило его, высокий с бурой корой ствол венчала густая крона с овальными, крупными листьями, и небольшими приятно пахнущими белыми цветами, оные распускались прямо на коре ствола, а подле на толстых ветвях, уже громоздились удлиненные ягоды красного цвета. Дальше росли еще более причудливые деревья с ярко-

зеленой листвой, среди которой-то там, то тут мелькали бледно-розовые или белые цветы и ярко-оранжевые плоды. И плоды-то сами были разного вида, на одном дереве сплюснутые, небольшие, на другом уже более крупные и круглые, а на третьем уже прямо огромные. Но особенно поразили Святозара высокие травы, на стволах которых словно паруса развевались здоровущие листья и висели крупные желтые, похожие на пальцы ягоды. Всюду в садах летали, щебетали и сидели на ветках деревьев разные птицы в необыкновенных ярких опереньях. Ведомый сквозь волшебный город наследник видел не только высокие дворцы, и диковинные деревья, чудесных птиц, но и необыкновенные цветы. Некие цветы, разбросанные вдоль прекрасно ограненных хрустальных дорожек напоминали насекомых, птиц и даже зверей, утопающих в зелени листьев. Продвигаясь дальше по городу, Святозар поражался замысловатости «чистых» рощ, где повсюду были разбросаны махунечки пруды, из которых вверх били низкие струи воды. Берега прудов были украшены золотистой, розово-пурпурной, голубой и белой лилией, синими, лазуревыми, белыми васильками и ромашками, а также широколиственными, раскидистыми голубыми и розовыми колокольчиками, и еще какими-то нежно-желтыми цветами, которых доселе Святозар никогда не видывал. Не широкая дорожка привела к большой дворцовой площади, и, глянув на дворец весь горящий в солнечных лучах, наследник ахнул.

Сама дворцовая площадь, так же как и причал, была сложена из белого гладко обтесанного камня, который переливался на солнце голубоватым светом. Но более всего поразился Святозар самому дворцу, тот имел восьмиугольную форму и был очень высок. Венчался он центральной башней из хрусталя голубоватого цвета с вырезанными на ней овальными окошками, чуть ниже центральную башню окружали еще пять башен, но уже из хрусталя зеленоватого цвета, а затем затейливо изгибающиеся стены розового цвета с резными и богато украшенными драгоценными камнями круглыми, квадратными окошками опускались к земле. На миг Святозару даже показалось, что дворец словно парит в воздухе. Во дворец вели высокие бело-золотые ступени и перила, усеянные сверху крупным жемчугом белого и розового цвета. Поднявшись по ним, наследник с дружиной оказался возле распахнутых, прозрачных дверей.

Подведя к распахнутым дверям гостей, альвин остановился и указывая рукой вперед, низко поклонился, предложив следовать дальше самим. Святозар с дружиной двинулся по длинному, широкому, иссиня-белому коридору к большущим, трепещущим, словно живые, распахнутым дверям, и, пройдя мимо них, очутился в огромном тронном зале полном альвинов. Прямо перед собой наследник увидел на возвышении, к каковому вели три широкие ступени мощный с округлой спинкой золотой трон, от которого во все стороны расходился золотистый свет. На том величественном троне восседал сам царь Альм. То был еще молодой, красивый альвин, с белыми, длинными волосами и прозрачной тонкой кожей, с крупными нежно-голубыми глазами, и ярко-алыми губами. Он был очень похож на тех альвинов, оные провожали Святозара, и на тех оные находились в зале. Только вот одеяние у него было не бело-розовое, а под стать трону золотое и украшенное белым переливающимся жемчугом, да на голове высился золотой венец, сведенный дугами на темени и усыпанный изумрудами, алмазами и сапфирами.

Как только Святозар вошел в зал, на лице царя Альма засияла широкая улыбка, придавшая его прекрасному лицу какую-то неземную одухотворенность. Наследник приблизился к трону, и низко поклонившись, торжественно молвил:

— Здравствуй, во веки веков, великий царь мудрецов и волшебников, Альм! Я, наследник престола великой Восурии, Святозар, сын Ярила, по реклу Щедрый, и потомок ведуна Богомудра плыву вместе с моими друзьями на остров Буян в страну Беловодья, за водой, что течет из вымени нашей прародительницы коровы Земун! И прошу тебя оказать мне гостеприимство, снабдив провизией и питьевой водой, как это и положено по обычаям оставленными Богами.

Не успел Святозар договорить свою речь, как лицо царя внезапно удивленно заколыхав, напряглось. Он медленно поднялся с трона, и, спустившись со ступеней, подошел к наследнику, внимательно всматриваясь в его лицо, да чуть слышно спросил:

— Ты, сказал, тебя звать Святозар?

— Да, царь Альм, меня зовут Святозар, — ровным голосом ответил наследник.

— Странно, — тихо заметил Альм, он опустил голову и задумался. Малость погодя он вновь оглядел Святозара, и трепещущим голосом мягким и протяжным переспросил, — и ты, сказал, что ты потомок Богомудра?

— Верно, я именно это и сказал. Я, далекий потомок Богомудра, — немного не понимая вопросов Альма, пояснил Святозар.

— Нет, этого не может быть.... Ты, верно, ошибаешься, — молвил надрывно Альм, а миг спустя нежданно добродушно заулыбался. — А да, ты, верно, шутишь, мальчик мой... Я ведь знаю, как ты любишь пошутить. Но меня не проведешь, мальчик. Нет, я тебя узнал, Богомудр, — и едва слышно засмеялся словно, понял, что над ним хотели подшутить.

Теперь был удивлен и слегка ошарашен Святозар, он порывчато закачал головой, вроде приходя в себя и пояснил:

— Нет, царь Альм, я не ошибаюсь, и уж конечно не собираюсь над тобой шутить. Мой далекий предок Богомудр уже давно умер и ушел в Сварожьи луга к своим праотцам. А я его потомок наследник престола восурского Святозар.

— Как же это может быть, — обходя по кругу наследника и оглядывая его, точно не веря услышанному, не унимался с расспросами Альм. — Ты... ты, так похож на него, словно одно лицо. Одно лицо... глаза, губы, нос... Те же каштановые кудри, тот же рост... И магия... та магия, которую я видел сегодня днем, ее нельзя спутать. Потому как это моя магия... та магия каковую я вложил в душу Богомудра.

— Что ж, ту магию, которую ты видел, я как первый сын в роду Богомудра получил после рождения. Но ты, царь Альм, — и Святозар посмотрел в глаза Альма, приподняв голову, так как царь был намного выше наследника. — Ты, удивил меня не меньше, сказав, что знал и учил магии Богомудра.

Царь Альм озадаченно провел пальцами левой руки по лбу, едва задев темные, дугообразные брови и ничего не ответив наследнику, развернулся и направился к своему трону. Все еще задумчивый и даже какой-то расстроенный он опустился на трон, и принялся смотреть на пол, который в тронном зале был украшен необыкновенными живописными изображениями диковинных птиц и зверей. Царь Альм молчал какое-то время, а Святозар меж тем вздел голову и обозрел тронный зал. Белые стены также как и пол были расписаны чудесными рисунками, на которых мелькали цветы, птицы и звери, а высокий хрустальный потолок сиял золотисто-голубоватым светом. Наконец Альм поднял голову и ласково улыбнулся наследнику, резво вскинул руки вверх, и громко хлопнул в ладоши. И тут же около него появилось золотое сидение, наподобие его трона, только, чуток пониже, он указал на него Святозару и пригласил сесть. А когда наследник сел на предложенное сиденье, Альм посмотрел на него так нежно, словно, перед ним сидел его любимый сын, и вновь вздев руки, громко хлопнул в ладоши и, что-то крикнул на певучем, похожем на соловьиную трель языке. И тогда в зале, как будто из воздуха, появились столы, уставленные яствами и альвины низко поклонившись другам наследника, повели их к ним потчевать. Точно такой же уставленный кушаньями стол появился перед царем Альмом и Святозаром, и тот, указывая на кушанья, сказал:

— Угощайся, наследник Святозар, потомок Богомудра, а я тебе пока поведаю обо всем.

Альм протянул свои длинные, тонкие, прозрачные пальцы и взял высокий золотой кубок, а потом поднял его в честь наследника Святозара и его друзей и едва пригубив поставил. Наследник вслед за Альмом взял в руку изящный золотой кубок и отпил из него. Жидкость, которую он отхлебнул, была багряного цвета и терпко-сладкая на вкус. Легкий хмель ударил

в голову. Святозар поставил кубок на стол, и, положив себе на блюдо, кусок белого мяса, принялся есть.

— Альвины, никогда не едят мяса, мы вкушаем лишь фрукты. Но, я знал, что мои гости любят мясные блюда, и приказал своим слугам их приготовить, — заметил царь и сызнава отпил из кубка.

Святозар оторвался от еды, зыркнул в прекрасные глаза царя Альма и сказал:

— Благодарю тебя, владыка альвинов, от своего имени и имени моих друзей, за богато накрытый стол!

Альм довольно улыбнулся, и кожа его чуть засветилась голубоватым сиянием изнутри, он поставил кубок на стол, и, повернув голову к наследнику, молвил:

— Не стоит благодарить меня Святозар, так как то, что я сделал, исполнено по обычаям, оставленным нам Богами и моими родителями. — Святозар удивленно вскинул брови, а царь альвинов, будто не замечая того движения продолжил, — когда-то на земле рядом с людьми жили иные народы, которые были детьми и внуками Богов. Я сам родился так давно, что уже даже не помню, сколько мне лет. Моими родителями были Алина Святогоровна и Ильм Сварожич. Вы восуры зовете моего отца Богом грозы и войны Перуном, а мать моя была рождена великой царицей страны Алтынтов, Пленкой и Святогором сыном самого Рода, который охраняет и поддерживает небесный свод. Это было за долго до того, как Ильм повстречал Диву-Додолу и женился на ней, а быть может моя мать Алина Святогоровна, также как и другие Боги рождалась много раз и имела множество ипостасей, и в разные времена являлась и рождалась от разных родителей, и быть может она и стала посем Дивой-Додолой, кто знает? Давно это было и во времени потеряно, да забыто, — протянул Альм и на мгновение задумался, проведя своими длинными прозрачными пальцами, по краю блюда. — Однако я и мой старший брат Гмур родились, когда люди были малочисленны и слабы. Мой брат Гмур стал прекрасным мастером—кузнецом, он научился добывать руду и плавить металлы. Он основал величественные города, и породил великий народ гмуров, которых вы восуры называете гомозулями. Гмуры были очень добрым и трудолюбивым народом, когда-то они, помогая людям выжить, обучили их кузнечному и ювелирному мастерству. Научили делать железные косы и плуги, серпы и наконечники стрел. Именно гомозули научили людей находить и обрабатывать золото, серебро и драгоценные камни. Но люди ответили гмурам неблагодарностью. Они научились ковать мечи, а наконечники стрел обратили против своих учителей, да тока гомозули, по своей сути, добрые и светлые существа не смогли сопротивляться злу людей. И так как мой брат Гмур, был небольшого роста, и такого же роста были и все гомозули, то он увел своих людей глубоко в горные пещеры... Там он построил новые города и там он, верно, живет и теперь... — Альм наново прервался, и, взяв кубок, отпил из него терпко-сладкую жидкость, в этот раз лишь пригубив ее. — Знаешь, Святозар, он звал меня к себе, говорил, что от злых и неблагодарных людей стоит укрыться в горах, но я не послушал старшего брата. Наверно, потому как очень любил людское племя и надеялся, что свет в их душах все же победит зло. Да и не мог я жить в глубоких подземельях, в горных пещерах, я просто не выносил царящий там вечный полумрак, холод и сырость. Нет, я всегда любил тепло, солнечный свет, зеленую траву и голубое небо. Я в отличие от Гмура, был очень похож на нашу мать Алину Святогоровну, и от нее унаследовал дар волшебника. Годы... лишь жалкие их крохи, после того как укрылся в горах Гмур, я вместе со своим народом альвинами прожил рядом с людьми. И даже тогда, когда их души поросли мхом жестокости и очерствели, наполнившись гневом... И даже тогда, когда властители служащие силам тьмы начали вытеснять нас с наших земель, а мы не могли им сопротивляться, так как наша магия служит лишь добру, а воины среди нас никогда не рождались... Даже тогда я продолжал верить в людей... верить и любить их... Впрочем, настал такой миг, когда я понял, что пришло время покинуть наши земли и уйти... уйти в поисках иного мира, так как в нашем добром волшебстве уже больше никто не нуждался. Я вместе

со своими ближайшими альвинами отправился искать моему народу приют, но в дороге на нас напала подорожная вольница, они, несмотря на мои уговоры, убили моих альвинов, среди которых был мой старший любимый сын... Затем они накинули на меня веревки и крепко связали. Один из концов веревки они прикрепили к коню и погоняя лошадь, громко хохоча, пустили ее галопом. Увидев смерть сына, и жестокость этих разбойников, я словно потерял свои силы, и растерялся так, что даже не смог защитить себя оберегом. Лошадь погоняемая подорожниками, скакала вперед волоча меня, обессиленного по земле, и тогда я увидел как наперерез моей лошади и подорожной вольнице, что скакала рядом, несутся десяток крепких воинов во главе с юным красивым отроком. Юноша остановил лошадь, и пока его воины бились с разбойниками, прыгнул, развязал меня и помог подняться. Вот тогда, Святозар, я впервые увидел твоего предка Богомудра. Он был очень юн, всего лишь четырнадцать лет, но в его душе уже тогда царил свет, чистота и добро. Богомудр, как узнал я позже, был правителем небольшого, но набирающего силу, чистого народа восуров. Он рано остался без родителей и воспитывался своим наставником. Богомудр привез меня к себе в дом, и предложил быть там гостем. И знаешь, Святозар, мне так понравился этот простой, спокойный, вольный народ, который жил без всякой роскоши, без всякого чванства и лицемерия, что я решил передать Богомудру все свои знания, научить его владеть магией, при помощи которой он всегда бы смог уберечь свой народ. Богомудр, на редкость оказался одаренным учеником и уже через год смог сам создавать заговоры. А засим я покинул Богомудра и вернулся к своему народу, правда мы виделись еще несколько раз, до того как я навеки покинул те края.

Царь Альм прервал свой сказ и смолк, а Святозар все то время молча внимающий царю и смотревший на него, внезапно уловил, что по дворцу разливается чудная музыка, он повернул голову и увидел ее источник. В середине зала на невысоком, точно круглая лавка сиденье, поместился альвин и играл на белых высоких вроде поставленных на бок гусях с длинными, тонкими, светящимися струнами. Святозар поборол в себе желание слушать дивную музыку и повернул голову к царю, а тот верно только этого и ждал, воззрился на наследника, улыбнулся и продолжил:

— Ведомые своей судьбой мы уплыли из мира людей на этот остров в Восточном море и основали здесь блаженную лебединую страну Эвлисию. Мы закрыли этот остров магией, чтобы не один смертный не смог сюда проникнуть. Однако вчера вечером ко мне прибыли мои люди и рассказали о твоей битве с воином царя Черномора, о тех чудесах, что ты проявил. Я заинтересовался тем, что мне поведали, а когда сегодня днем твоя ладья подошла к острову великанов, я решил сам увидеть тебя и твою магию. Я обратился облаком и полетел к острову и видел, как ты победил великанов. Я узнал твое лицо и узнал свою магию, которую когда-то вложил в своего любимого ученика. И я подумал... подумал то явился Богомудр. Ведь я совсем не веду счет времени, я также как и мой народ бессмертен, и никогда не состарюсь. — Царь Альм замолчал, он протянул свои длинные, тонкие, прозрачные пальцы, и, взяв Святозара за подбородок, заглянул ему в глаза, — да, и немудрено, что я спутал... Спутал... такое же красивое лицо, темные каштановые волосы и голубые глаза. Точно, на меня посмотрел Богомудр. А знаешь ли ты, Святозар, что великая, светлая, добрая магия подчиняется лишь человеку с голубыми глазами. Такими как у Богомудра, такими как у тебя, — и отпустив подбородок наследника, провел пальцами по его глазам и щеке.

— Я думал, — откликнулся Святозар и улыбнулся. — Что у Богомудра были зеленые глаза, как у моего отца и деда.

— Нет, — покачал головой Альм и длинные его волосы заколыхались малыми волнами. — У него были голубые глаза. Знак великих свершений, великих магических способностей.

Наследник посмотрел в небесно-голубые глаза царя, вспомнил, что и у всех других альвинов глаза были такого же цвета, а после припомнил, глаза бабы Дарены, и старца Велея, и согласился с Альмом.

— Красиво поет мой альвин, правда? — немного погодя весьма мягко спросил царь.

— Не просто красиво... И песня, и музыка, и голос твоего альвина восхитительны, — согласился наследник.

— Но, ты Святозар, будто знал, что я попрошу, привел своего песенника. Давно я не слышал гордых и вольных восурских песен. Попроси своего ратника спеть для меня, — добавил Альм и широко улыбнулся.

Святозар окликнул Леля и попросил его от имени царя альвинов спеть для него восурскую песню. Лель слегка смущаясь зыркнул на Альма, и, кивнув головой, вышел в середину залы. Он опустился на лавку рядом с альвином играющим на высоких перевернутых гусях, который увидев нового песенника, остановил пальцами струны и затих. А Лель поставил гусли на колени ребром, слегка наклонив к себе, погладил их переливающуюся поверхность, да легонько тронув струны пальцами заиграл. И когда вольная, резвая, словно табун буйных коней музыка наполнила дворец царя, запел своим мелодичным, нежным голосом о красоте восурской земли. Святозар слушал брата, и вспоминал свою землю, отца, мать, Тура, Малушу, он подумал об Эрихе, который сейчас где-то в далеких Веграх мучается от боли и кровоточащей раны, вспомнил берег Северного моря и своих дядю и тетю, и почувствовал внутри какую-то тоску и горечь. И чтобы поглотить эти чувства взял кубок и сделал большой глоток напитка. Не успел он толком то сглотнуть терпкую жидкость, как ощутил резкую боль в груди и словно услышал расходящийся надвое рубец, а миг опосля того по коже заструилась кровь. На мгновение у Святозара закружилась голова, он поставил кубок на стол и опершись рукой о край его, вздел голову всматриваясь в высокий потолок, откуда все еще испускалось золотисто-голубое сияние.

— О, великий царь альвинов, — обратился к нему наследник. — Почему у тебя во дворце пылает солнечный свет, когда солнце уже коснулось края небосвода.

— Что ж, — не отрывая взгляда от играющего и поющего Леля, ответил Альм. — Всегда приятно продлить день, когда в гостях добрые люди.

У Святозара от боли поплыл еле видимый туман перед глазами, он встряхнул головой, и чтобы не испортить пир, сказал Альму:

— Гостеприимный хозяин, царь Альм, прошу тебя, позволить мне покинуть пир. — И немного помолчав, добавил тише, — мне надо заговорить рану.

Услыхав Святозара Альм все еще улыбаясь, повернул голову и посмотрел на наследника. И в тот же миг улыбка сбежала с его лица, он бросил взгляд своих голубых глаз на грудь Святозара и вздрогнул всем телом, точно мог видеть сквозь плотную ткань рубахи. Затем он вскинул вверх руку и провел ею справа налево, и словно перед столом задвинул завесу в виде легкого серебристого дыма, да неспешно поднявшись с трона, подавая руку наследнику, взволнованно молвил:

— О, мой светлый мальчик, Святозар. Обопрись на мою руку и проследуй со мной на балконы, где ты сможешь заговорить свою ужасную рану, и погасить боль.

Наследник, чувствуя головокружение и слабость в ногах, поднялся и благоразумно оперся на руку царя да влекомый им вглубь зала направился к виднеющейся в стене хрустальной, резной двери. Когда Альм и Святозар приблизились к двери, то царь взмахнул свободной рукой, и, что-то певуче напел. И тотчас дверь отворилась, пропуская их на так называемый балкон, оный широкой, округлой площадкой выступал над дворцом огражденный по краю золотыми и серебряными изваяниями по пояс наследнику. Выступ находился вне дворца, он словно крепился той площадкой к его стенам и потому Святозар увидел, что в Яви уже наступила ночь. Небо было черное и поблескивало далеким сиянием звезд, но кругом дворца, да и вообще всего острова полыхал лучистый свет, словно днем. Этот яркий свет исходил не только от ограждений, но и от внешних стен дворца, от венчающей его башни и окошек. Рядом также светозарно сияли и другие дворцы, переливаясь и поблескивая всевозможными огнями.

На выступе, куда вышли Альм и Святозар, располагалось широкое деревянное ложе, устланное каким-то блестящим укрывалом, с высокой резной спинкой украшенной жемчугами. Царь подвел Святозара к ложу и предложил лечь, он провел рукой по воздуху и под ним, вновь оказался его золотой трон.

— Святозар, — спросил царь альвинов. — Что у тебя за рана и как ты ее получил?

Наследник положил голову на чуть приподнятое под ней ложе и негромко рассказал о ране.

— Мальчик мой, сними рубаху, и я осматрю ее? — добавил Альм.

А когда Святозар приподнявшись, снял рубаху, и, отерев рану, положил ее рядом, да сызнова прилег на ложе, царь протянул свои длинные пальцы, дотронулся до раны и гулко стучащего и обливающегося кровью сердца, и, посмотрев на наследника, тихо запел прекрасную песню. И показалось Святозару, что то не песня, а лишь чудесная, наполненная до краев волшебная музыка. И чтобы вдоволь насладится этой неземной музыкой, наследник закрыл глаза, и забылся сном.

Когда Святозар открыл очи, то увидел, что на груди у него образовался рубец, а царь Альм стоит возле ограждения к нему спиной и смотрит вдаль. Наследник поднялся, взял лежащую на ложе чистую и аккуратно свернутую рубаху, и, одев ее, приблизился к царю, вставши рядом. Альм повернул голову и улыбнулся.

— Тебе удалось зарубцевать рану? — тихо спросил Святозар.

Альм грустно покачал головой и ответил:

— Зарубцевать лишь на время, до следующего захода солнца, но не излечить мальчик.

— Мое излечение находится в стране Беловодья, там, где течет молочная река, и живет наша прародительница корова Земун. Так мне об этом поведали Боги, — объяснил наследник.

— Очень странная рана, я еще никогда такой не видел. А уж ты мне поверь, в свое время я поведал много ран, и много их излечил у людей. Это же рана, будто, не желает рубцеваться. Странная, странная рана, — тихо заметил Альм. Помолчал, все еще не сводя зора с лица наследника, а после воззрившись в густое черное небо, добавил, — ты очень сильный человек и такой же сильный ведун Святозар. Раз смог не только создать столь мощный заговор, но и преодолевая боль жить и биться с врагами. Да, сразу видится в тебе крепость твоего духа переданного тебе Богомудром, — царь оперся руками о головы изваяний.

Святозар стоял и слушал царя, а когда тот затих погруженный в свои думы, разглядел изваяния, что ограждали выступ. Это были похожие на альвинов, только в уменьшенном виде, ваяния. Маленькие альвины едва доходившие до пояса наследнику стояли на краю выступа, образуя полукруг, и нежно горели золотым, солнечным и серебристым, лунным светом, да, широко раскрыв ручки, крепко удерживали друг друга за пальчики. Их прелестные головки смотрели вдаль на город и сады, а когда Святозар немного наклонился и заглянул им в лица, то увидел вместо очей голубоватые испускающие свет камни.

— Святозар, поведай мне, как живет вольный восурский народ, с кем соседствует и каковы эти люди, что населяют ныне нашу землю, — обратился Альм к наследнику, все еще продолжая смотреть вдаль, точно пытаясь через море, узреть горячо любимую землю, на которой прежде был счастлив.

Святозар вздохнул, вспомнив зеленые, лесные дубравы, высокие, налитые силой злаки, дурманившие своим запахом луга и бурные, полноводные реки, и сказал:

— Восурский народ живет на большой, широкой земле, где хрустальные реки, словно вены по телу напитали Мать Сыру Землю водами и чистотой. Богатые дичью и птицей наши леса, в которых словно древние великаны устремляют ввысь свои кроны крепыши дубы и буки, тонкоствольные березы и осины. Наши поля даруют нам богатые урожаи ржи и пшеницы, овса и ячменя. А широчущие луга снабжают скот травой и сеном. Наш народ живет вольно, избирая себе в деревнях старших-большаков, а в городах выбирая из лучших людей вельмож. Воеводы,

следящие за порядком в городах, и охраняющие их назначаются правителем, но утверждаются на общем совете всеми жителями города. Да, восуры живут вольно, верят в своих светлых Богов и сохраняют свои традиции! — Святозар на мгновение притих, и благостно улыбнулся. — На севере наши земли омывает Северное море и Белый океан, на востоке Восточное море, а между ними живут лонгилы, это дикие кочевые племена, которые не строят городов и деревень, а кочуют со своими стадами по огромным землям. Эти племена поклоняются Богам, вырезая их из камня и дерева. Они отрицают бытие Всевышнего, а потому восуры зовут их язычниками, но этот народ никогда не вел войн с Восурией и посему мы, уважая их обычаи и традиции, не навязываем свои. На юге наши земли граничат, с землями неллов, они еще живут по правому берегу Восточного моря и по левому берегу Южного моря. Когда-то неллы были великим народом, но их вера пуста и жестока, именно они приносят в жертвы своим Богам, имена которых и произнести трудно, людей. Они давно погрязли в лени и распутстве, богатстве и золоте, а потому стали уменьшаться числом и вымирать. Из-за чего их соседи на юге, кочевые племена нагаков, желают покорить неллов.. и уже не раз... не раз приходили они на их земли с войной. Нагаки, хотя, как и лонгилы кочевники, но они более сплоченные, и хотя они тоже не имеют городов и деревень, но сами прекрасные воины и наездники и постоянно воюют с неллами и игниками, а иногда и с нами восурами. Нагаки злы и жестокосердны, когда то они также как и восуры поклонялись нашим Богам. Но затем, изменили веру, извратили, и подстроили ее под свою знать, чтобы легче было управлять собственным народом. И теперь подобно неллам приносят им кровавые жертвы, только не людьми, а домашним скотом. Их знать имеет много жен, а своего правителя они почитают как бога и считают, что он послан на землю, дабы править, казнить и миловать. А на западе Восурии живет славный народ игников, которые верят в наших Богов и живут с нами в мире.

Святозар закончил свой сказ и поднял голову, устремив свой взгляд на небо, где в незримой Небесной Сварге жили и правили священные Боги Восурии, каковые были чистыми и светлыми, и всегда учили восуров идти по пути Правды.

— Я знал когда-то народ неллов, — задумчиво произнес Альм и тягостно вздохнул. — И даже учил их правителей своей магии. Это было задолго до встречи с Богомудром. Тогда они верили, так же как и восуры в Сварога, Перуна и Семаргла. Но позже, один из их правителей решил изменить веру и принять другую. Это был уже пожилой правитель, у которого имелось много сыновей и дочерей. И он очень боялся, что его дети не смогут поделить трон после его смерти, и убьют друг друга, верно уже задолго до этого в его душу вселилось зло. Он предал Сварога, и, построив в своем городе огромный дворец, назвал его жрище, и повелел приносить кровавые жертвы людьми. Я знаю Боги хотели помочь народу в борьбе с этим безумным правителем, но те кто был знатным принял новую веру с радостью, а кто был простым, побоялся и не стал бороться за своих Богов, приняв нового. И тогда Перун, Семаргл и Сварог отвернули от них свои лики и забыли про этих нечестивцев.

— Я, впервые слышу этот сказ, — содрогнувшись всем телом от предательства целого народа, проронил Святозар. — И не понимаю, как же можно придать Богов, и не выступить на защиту своей веры.

— Можно, можно, мальчик. Ведь не у всех в венах течет кровь великого и сильного витязя ДажьБога, — с такой болью вымолвил эти слова Альм, что наследник почему-то наново содрогнулся.

— Поведай мне Святозар еще вот о чем, — немного погодя протянул Альм и провел пальцами левой руки по лбу, едва коснувшись своей темной, дугобразной брови. — Когда-то перед отъездом в страну Эвлисию, я подарил Богомудру перстень, который мой брат Гмур изготовил по моей просьбе, — Альм смолк и пронзительно глянул на наследника.

— Этот перстень, носит мой отец, правитель Восурии, как знак правителя и ведуна, — ответил на немой вопрос Святозар и увидел как широко и радостно улыбнулся Альм.

— Тогда, мальчик мой, я тоже хочу отметить тебя как великого ведуна и наследника, — начал Альм, и, сняв с пальца мощный перстень с большим алмазом, показал его Святозару. — Возьми этот перстень, и, одев на средний перст правой руки, никогда не снимай его. Это самый большой алмаз, найденный когда-то моим братом и ограненный им. В этот камень я вложил магию. И теперь если к тебе приблизится человек или существо испытывающее злобу, то камень засияет кроваво-красным светом, а если человек или существо испытывающее любовь, то камень будет излучать белый свет, вот как сейчас. И позволь мне самому одеть его и тогда никто никогда не посмеет его у тебя украсть.

Святозар благодарно посмотрел на Альма и протянул ему правую руку, а тот весьма медленно принялся надевать перстень на средний палец юноши и, что-то тихо певуче шептать. А когда царь полностью насадил свой дар на перст то и сам перстень, и палец Святозара, и даже пальцы Альма неожиданно ярко вспыхнули лазурным светом. Царь поднял глаза и изумленно воззрился на Святозара, да с таким интересом, что наследник не выдержал того взора и спросил:

— Что-то не так?

— Да, нет, мальчик, все так. Просто сегодня у меня такой необычный день, необычный вечер и такая же необычная ночь. — Альм снова поглядел на Святозара и лишь сильнее расплывшись улыбкой добавил, словно обращаясь к самому себе, — столько странностей, даже самому интересно....

— Моя душа, горит лазурным светом, — сам не зная, почему сказал наследник.

— Это я увидел, и это-то и странно... — очень тихо протянул Альм и перевел взгляд со Святозара на перстень.

Наследник тоже опустил глаза и обозрел перстень. Тот был золотой, очень тяжелый и массивный, в голове одного мерцал увитый серебряными лепестками громадный, восьмиугольный алмаз.

— Восьмиугольник, — еле слышно добавил Альм увидев, как внимательно разглядывает перстень Святозар. — Знак волшебства и магии.

— Он прекрасен, так же как и все, что я видел здесь, и дворцы, и сады, и «чистые» рощи, и конечно великий народ альвинов, — ответил Святозар и низко поклонился царю.

— Однако, мальчик мой, время уже позднее и тебе нужно отдохнуть. Ратники твои уже давно спят. Ладью твою починили, а омшаник наполнили провизией и пресной водой, утомленные ладейники, успокоенные легким покачиванием судна, светом, исходящим от дворцов, и теплом нашего острова тоже улеглись на покой. Так, что и ты приляжь на ложе, сомкни очи и поспи, — очень мягко молвил царь.

— А ты царь Альм, ты тоже пойдешь отдыхать? — спросил Святозар, покуда не двигающийся с места.

— О, нет, мой милый мальчик, я так долго живу, так много видел и знаю, что уже редко сплю. Я подолгу стою ночами на этом балконе и смотрю ввысь небесную и думаю о той судьбе, которую сплела для меня и продолжает плести Богиня Макошь, — произнес Альм и устремил взор в небесную черноту, где изредка поблескивали звезды. — А ты, — дополнил он, понизив голос, — укладывайся на покой Святозар.

Наследник согласно кивнул Альму и пошел к ложу, а когда, сняв сапоги, улегся, то увидел, как на него удивленно и одновременно обрадовано посмотрел царь и нежно, вроде как разгадал какую-то тайну, улыбнулся. Святозар утомленный тяжелым днем закрыл глаза, и, услышав, как поплыла, будто густой туман чистая и прекрасная музыка, немедля заснул.

Наутро царь Альм, в сопровождении альвинов проводил наследника до причала, обозрел ладью снаружи, а посем, поднявшись на нее, оглядел изнутри.

— Прекрасная ладья, — добавил Альм и подошел к голове медведя, что венчала заостренный нос.

Царь протянул правую руку и провел ладонью по голове медведя, и внезапно разом сжал кулак, поднес его к губам и, что-то шепнул. И сейчас же из зажатых в кулак пальцев, начал пробиваться яркий свет. Альм раскрыл руку и на ней оказался небольшой круглый предмет пылающий золотым светом с маленьким пупырышком на вершине. Пупырышек слегка вздрогнув, порывисто лопнул и оттуда появился тонкий золотой росток, который стал увеличиваться в длину и утолщаться в ширину. Мгновение спустя, прямо на глазах у изумленного Святозара, росток превратился в тонкую длинную, почти с локоть, прямую палицу с заостренным, будто наконечник стрелы, концом каковой малость покачивался из стороны в сторону. Альм положил предмет на голову медведя, а палица покачнувшись, повернулась вправо.

— Святозар, — обратился царь Альм. — Видишь этот волшебный предмет, он называется водырь, что значит проводник. Если назвать водырю место, в которое надо попасть, то он повернет стрелку и покажет нужную сторону и тебе надо будет, лишь держаться этого направления. Я попросил водырь, чтобы он указал страну Беловодья, и он видишь, развернулся вправо, указывая, где она находится.

— О, царь Альм, твоя помощь просто неоценима. Как я могу отблагодарить тебя за твое гостеприимство? — восторженно глядя на водырь, молвил наследник.

Кожа Альма чуть зрима закурилась голубовато-золотой дымкой и он даже мягко произнес:

— Какие могут быть благодарности, мальчик мой, между людьми с чистыми сердцами. Плыви, Святозар в чудесную страну Беловодья, излечи там свою рану. — Альм на миг прервался посмотрел на наследника, протянул свои длинные, словно переливающиеся в солнечных лучах, пальцы и провел ими нежно по глазам Святозара, да улыбнулся так, точно ведал о нем такое, что не доступно было другим, да тихо добавил, — и познай там свою душу. Ведь скорей всего именно за этим тебя послали туда Боги.

Наследник, не сводя благодарного взора с лица царя, едва кивнул ему в ответ головой и спросил:

— Ты так говоришь о стране Беловодья, будто сам там бывал не раз, царь Альм.

— О, нет, мальчик мой, я никогда там не бывал. Мне не дано пройти такой трудный путь, но зато мне дано знать тайну появления на земле этой волшебной страны. И я хочу тебе передать этот сказ, — Альм прервался на морг и устремил взгляд на далекое безоблачное небо, да почему-то надрывно вздохнул. — Когда-то, в начале времен, когда хозяин земного Мира и владыка Божьего царства Сварог победил Чернобога, и на месте битвы повелел вырасти Рипейским горам, где он создал небесное царство Богов-Сваргу и Ирий-сад. То перед входом в Ирий-сад он воздвиг прекрасные, мощные ворота и поставил их охранять грифонов, василисков и горных великанов. А в радость об этом великом устроении был назначен пир. На пир были приглашены все Боги и Богини. Много столетий длился этот великий праздник, а в это время Чернобог обозленный тем, что его не позвали на пир, обратился в Черного Змея и стал грызть Рипейские горы. Он вгрызался в великие твердыни, и, вырывав огромные камни отбрасывал их, а в Сварге и Ирий-саде громко звучащая музыка заглушала шум, который он создавал. Но вот, наконец, он полностью прогрыз одну из гор, и закачалась Сварга, разломилась надвое. И одна из частей, вместе с прекрасными воротами Ирий-сада упала в Восточное море, прямо на остров Буян. Многим жителям Ирий-сада не удалось спастись, к примеру, горные великаны попадали в море и утонули, а те которые все же не утопли, выбрались на великанские острова. Однако другие жители Ирий-сада благополучно переправились с неба на землю. Сварог подошел к краю оставшейся Сварги и посмотрел вниз... туда, где в белой дымке облаков клубился далекий остров, на котором теперь покоились остатки Ирий-сада, и повелел называть ту страну Беловодьем.

— А, что, случилось с Чернобогом, после падения Ирий-сада на землю, — спросил Святозар, стоило лишь смолкнуть Альму, впервые слушая этот сказ.

— А, Черный змей, случайно защемил свой длинный язык среди камней и упал вместе со своим воинством, которое помогало подгрызать Рипейские горы, вниз, в свое царство Пекло, — пояснил царь.

Святозар зыркнул недоверчиво на Альма, а тот все еще продолжающий смотреть в бездонное голубое небо, точно почувствовав на себе этот взгляд, улыбнулся и добавил:

— Да, да, мальчик мой, все именно так и было. Я тогда был уже царем великого народа альвинов, и сам наблюдал падение Ирий-сада в Восточное море и падение Чернобога в Пекло. И навсегда это запомнил. Грохот был такой, что земля вся закачалась, когда Ирий-сад отломился, а после я узрел падение громадного куска земли, а под ним мелькающие и разлетающиеся в разные стороны молнии. Когда же Ирий-сад упал на остров Буян, в Восточном море поднялась страшная волна, которая потопила многие народы жившие на его берегу.

— Теперь понятно почему, когда я умер... я не увидел ворота. Потому что эти ворота находятся в стране Беловодья. А в поверьях нашего народа, все еще рассказывается о воротах в Ирий-сад, — раздумчиво протянул Святозар и подняв руку, потер грудь, как раз в том месте где под рубахой хоронилась рана, она и привела некогда своего обладателя в загадочный Ирий-сад.

— Да, мальчик мой. Поверья сохраняют сказ о воротах, потому что таких как ты, которые возвращаются из мира мертвых — нет. В начале веков, людям еще это удавалось, обмануть Богиню Бурю-Ягу-Усонышу-Виевну, но позже нет. Помню, был какой-то юноша, из какого-то малочисленного, но светлого племени, враги убили его совсем юным, а он все же смог вернуться и спасти своих людей от гибели, но я уже и не помню, как его звали, — Альм замолчал, провел своими длинными пальцами по темной брове, да порывчато замотал головой. — Нет, даже не помню из какого племени. Помню, что за него просили Боги, а Богиня Буря-Яга узрев его полюбила, и разрешила ему вернуться. Ну, а теперь, — царь наново воззрился на Святозара, и, положив ему руку на плечо, нежно его сдал. — Отправляйся в путь и доброй тебе дороги, Святозар... И помни... помни мальчик мой, что мое сердце всегда будет любить доброго и светлого юношу, который спас меня от подорожной вольницы.

Святозар недоуменно посмотрел на Альма, а тот уже снял руку с плеча, и, повернувшись, направился к хрустальным сходням, да, неспешно спустившись по ним на причал, остановился и помахал на прощание рукой наследнику, будто прося его поскорей закончить это невыносимое для его нежного и доброго сердца расставание. Святозар зычно скомандовал: «В путь!», и гребцы немедля налегли на весла, вывели, и, развернув ладью, направили ее движение туда, куда указывал водырь. Наследник подошел к корме, низко поклонился Альму и его народу который наводнил причал провожая отплывающих. И долго смотрел за исчезающим царем Альмом, причалом и прекрасной страной Эвлисией. А когда покрытая дымкой Эвлисия окончательно пропала из глаз, муторно вздохнув, опустил голову на грудь и задумался.

— Прощай, — вдруг услышал позади себя Святозар, голос Леля и оглянулся. — Прощай блаженная, лебединая страна Эвлисия! Добрый и чудесный народ альвинов! Если Боги, даруют мне возвращение домой, в мою дорогую Восурию, я создам сказ и поведаю людям о гостеприимности этих людей, о той чистоте и о том свете, который они излучают.

— Да, брат, ты прав, — молвил Святозар и порывистый ветер, дунув ему в лицо, встрепал его каштановые волосы. — Сказ необходимо создать. Чтобы люди знали всю правду о великих наших учителях гмурах и альвинах, а не рассказывали всякие небылицы своим детям. Но ты также должен сказать и другое, — и наследник внимательно посмотрел в серые глаза брата. — Ты, должен сказать, что добро обязательно должно быть с кулаками. Оно должно уметь за себя постоять и уметь бороться со злом. И я очень рад, что хотя я и знаю добрую и светлую магию альвинов, но все, же умею держать меч и лук в руках. И два дня назад, когда я боролся с воином Черномора, я мысленно благодарил моего наставника Храбра, за то, что он научил меня биться на мечах. А альвины и гмуры — эти великие и светлые народы, не смогли защитить себя, от

врагов и бежали, покинув свои земли, и спрятавшись в глубоких горных пещерах и на далеких островах, и со временем почти исчезли из памяти людской. Благодарение нашим Богам, что мы восуры, умеем за себя постоять!

Глава пятая

К концу третьих суток, как Святозар с воинами покинули блаженную страну Эвлисию, ладья пристала к берегу острова Буян. Берег был песчаным, а отмель неглубокой, поэтому ладья прямо-таки въехала на сушу своим носом. Наследник со Стояном спрыгнули с судна и отправились осмотреться. Впереди перед ними расстилались буйные леса, уходящие к подножиям высоких Сарачинских гор. Святозар подошел к краю леса и заметил, что деревья в этом лесу были низкорослые и не превышали двух саженей в высоту, а кроны не густые, посему огромное количество кустарников и трав переплетались, образуя сплошную, непроходимую стену. Самым интересным было то, что многие деревья такие как дуб и вяз выглядели здесь низкими кустарниками. Зато выделялись высотой и мощностью деревья, которые Святозар никогда не видел. Так одно из них самое высокое, росло на границе с песчаным берегом и имело искривленный и сильно утолщенный в нижней части ствол, кожистые и удлиненные сверху зеленые, а снизу серебристо-серые листья и мелкие приятно пахнувшие белые и зеленоватые цветы. Стоян сорвал один листок и провел по серебристо-серой поверхности пальцами и в тот же миг вскрикнул, бросил лист и начал дуть на пальцы. Святозар подошел к другу и оглядел руку, на том месте, где поверхность листа коснулась кожи, зиял огромный красный ожог. Наследник зашептал заговор и провел пальцами по ожогу, в то же мгновение как он произнес последние слова, волдыри появившиеся на коже полопались, и, зашипев, впитались в руку, а кожа приобрела свой обычный, нормальный вид.

— Ничего себе листочек, — оторопев и зыркнув на лист, лежащий на песке, сказал Стоян, да благоразумно отошел от дерева подальше.

— Да, — глубокомысленно протянул Святозар. — Надо быть осторожней. Ты приметил, какая непроходимая стена из кустарников и трав преграждает нам путь к Сарачинским горам, и еще неизвестно сможем ли мы сквозь нее пробиться. И скорее всего здесь придется применить магию. А, теперь друг мой дорогой, раз ты больше не горишь желанием прижечь себе еще и правые пальцы, пойдем к ладье. Путят вместе с воинами уже готовит стан, мы потрапезничаем и ляжем отдыхать, а с утра отправимся в страну Беловодья.

Рано утром Святозар со своими друзьями уже готовился к дальней дороге, и перед самым уходом он обратился к старшему воинов-ладейников:

— Путят, ты остаешься здесь за старшего. Если мы не вернемся через два месяца, уплывайте. Потому что провизии у вас мало и едва-едва хватит на дорогу обратно.

— Ах, наследник, что ты такое говоришь. Ведь мы все воины и рыбаки. Да, неужели имея луки и сети, мы останемся голодными. Мы будем ждать вашего возвращения, — ответил Путят и недовольно покачал головой.

— Но, может так случиться, что нас постигнет неудача, и мы не вернемся, тогда, — начал было Святозар.

Однако Путят перебил его, и, положив руку на плечо, крепко сжал, сказав:

— Когда мы только выходили из Новыграда, я еще мог верить, что нас может постигнуть неудача, так как ты слишком юн. Но теперь увидев твою необыкновенную магию, силу и отвагу, я, мой дорогой наследник престола великой Восурии Святозар, уверен в успехе. Посему мы будем ждать вас столько, сколько надо.

— Хорошо, Путят, тогда, как только мы выйдем из Беловодья, я пришлю вам весточку о нас. — Святозар воззрился на небо, где в небесной вышине звонко пела какую-то песню малая птаха, улыбнулся, и добавил, — весточку я пришлю с птицей, она принесет тебе веточку и песню от меня.

— Да, наследник, — очень мягко молвил старший воинов-ладейников. — Я буду ждать от тебя весть. И помни, я никогда не уплыву отсюда без тебя, а поэтому спокойно отправляйся в путь.

Святозар и Путят обнялись. И, похлопав старшего-ладейника по спине наследник поспешил к своим друзьям, кои уже ждали его подле кромки леса.

Святозар подошел к дружине, остановился, и, повернувшись лицом к лесу, закрыл глаза, глубоко вздохнул и зашептал заговор: «О, громовержец, Бог Перун, Бог битв и войны! Бог в чьем войске, мы вечно живем. Призываю тебя! Как когда-то ты Перун в битве со Скипер-зверем, победил дремучие, непролазные леса, где корни с корнями сплетались и колючкой с колючкой свивались, так и сейчас даруй мне силы, чтобы я смог повелевать лесом и его подручными: деревьями, кустами и травами!» Наследник открыл глаза, поднял правую руку вверх и когда пальцы его засветились лазурным светом, направил ее на лес и громко закричал: «Вы, непролазные леса расступитесь, вы непроходимые чащобы разбежитесь, именем Бога Перуна, я, ведун Святозар вам приказываю!» И в тот же миг из пальцев наследника вырвался луч света и полетел вперед, и тогда заколыхались, пришли в движение деревья и отступили назад, а кусты и травы, будто ожили, и, распутывая узлы, расплзлись. Луч света упал на землю, туда, откуда ушли деревья, кусты и травы, а на том месте появилась тропа, которая нежно замерцала лазурным светом.

Святозар оглянулся на Путята и воинов-ладейников и махнул им на прощание рукой, да взяв у Стояна лук, перекинул его через плечо и пошел вперед, а следом за ним двинулась его дружина.

— Да, — сказал идущий позади Святозара Искрен. — Так идти намного лучше. Мой отец рассказывал мне, чтобы пройти эти чащобы, они четверо суток бились с кустами и травами, вырубая их. Потому что ведун не смог победить их заговором. А, мы я думаю, дойдем до Сарачинских гор часа за три.

Наследник оглянулся на рассуждающего вслух друга, и, усмехнувшись, отметил:

— Точно часа за три дойдем если только, не встретим другие опасности на пути. Лес то видишь какой необычный переплетенные стволы, длинные вроде веревки травы, листья которые сжигают кожу и кто его знает, может шмели плюющиеся жалами.

У Искрена немедля подернулось лицо, и он порывисто обернулся, словно ожидая нападения из кустов громадного шмеля али его острого жала, а узрев смеющегося наследника, осуждающе покачал головой и добавил:

— От... ты, Святозар даешь, нешто ты серьезным не можешь быть. Вон давай шагай лучше, да вперед смотри, а то точно на какого-нибудь жука или червя наступишь.

Но тревога Искрена оказалась напрасной, потому что никакого шмеля плюющегося жалами из кустов не вылетело, да и отступившие травы и кусты не подбирались к мерцающей лазурным светом тропе, и как правильно он предположил через три часа путники подошли к подножию Сарачинских гор. И увидели невдалеке остатки некогда возвышающегося, а ныне разрушенного дворца. Святозар и други приблизились к руинам дворца и обозрели его. Наверно когда-то это было прекрасное жилище, в котором жили великие люди, а может и сами Боги. Дворец был построен из голубого и темно-синего камня, высокие стены еще где-то тянулись вверх и ярко переливались в солнечных лучах. В некоторых местах на стенах сохранились не застекленные окна, а белые, крученые колонны, точно наполовину срубленные, потому ноне глазевшие в небеса сколотыми макушками, верно, когда-то поддерживали крышу дворца.

В нескольких шагах от развалин дворца росли величественные деревья: дуб и ель, точно возлюбленные нежно касаясь друг друга своими ветвями. На дубе, охватывая его мощный ствол по кругу, висела широкая золотая цепь. Святозар подошел к дереву и узрел, что по цепи важно ступает огромный черный кот, с белой грудкой, что-то нежно мурлыча на своем кошачьем языке.

Наследник, пораженный необычным зрелищем, молча наблюдал, как кот сначала неторопливо шел направо, потом также не спеша развернулся, и двинулся налево, будто не видя подошедшего к нему Святозара. Наконец первым не выдержал наследник, он сделал шаг вперед и низко поклонился коту до земли. Кот, словно ожидая того, остановился, посмотрел на Святозара вроде только, что его заметив, и промурлыкал:

— Мур, мур, здравствуй смелый воин, что явился сюда на остров Буян вместе со своей дружиной. Что ты ищешь здесь?

— О, прекрасное создание имени, которого я не ведаю, я, Святозар, прибыл на остров Буян в поисках страны Беловодья, — сказал наследник пораженный красотой переливающейся шерсти кота, да и его способностью так легко говорить на человеческом языке.

— Что ж, мур, — кот уселся на цепи, точно она висела не в воздухе, а лежала на земле и уставившись своими круглыми, желтыми глазищами на Святозара, поднял правую лапку и махнул в сторону вершины горы. — Тогда тебе туда, наверх, мур.

— Могу ли я задать тебе вопрос, прекрасное создание, — спросил Святозар. А когда увидел, как кот в знак согласия кивнул головой, продолжил, — кто ты, что здесь делаешь, и что это за дворец, руины которого здесь лежат?

Кот внимательно вызрарился на Святозара, медлительно провел лапкой по мордочке, будто смахивая пыль с долгих, белых своих усов и ответил:

— Зовут меня кот Баюн, я приставлен здесь охранять и беречь священные деревья дуб и ель, символ любви Велеса и Азовушки. В стародавние времена Бог Велес спас царевну Лебедь-Азовушку, от страшных когтей коршуна, которым обернулся злобный Чернобог. Велес и Азовушка полюбили друг друга, сыграли свадьбу, да стали жить вместе. Тогда Велес достал со дна морского голубой и темно-синий песок и бросил его на остров Буян, повелев превратиться ему в прекрасный дворец. Он посадил подле дворца дуб — символ мужа, и ель — символ жены, а позже повесил на величественное древо золотую цепь и позвал меня служить здесь. Прошло много столетий и когда часть Рипейской горы подгрызая Черным змеем упала с неба на остров Буян и разрушила великолепный дворец, а Велес, будучи обманутым погиб от чары с отравой предложенной на пиру, никто не пришел сюда, чтобы восстановить чудесное, божье творение. И я остался здесь один, я хожу по цепи направо — и пою песенку, иду налево — сказываю сказку! И берегу эти великие деревья!

— Брат, — услышал позади себя Святозар, голос подошедшего Сема. — Ты чего тут стоишь и с кем беседуешь?

Наследник обернулся, недовольно уставился на брата, который положил руку ему на плечо, и закрутил головой, будто не видя перед собой сидящего на цепи кота.

— Ты, что не видишь я с Баюном разговариваю, — ответил Святозар.

Сем сизнова повертел головой, а после недоуменно спросил:

— Это ты кота так, что ли назвал?

— Ну, да, а ты, что не слышал, что Баюн рассказывал? — спросил Святозар и кивнул в сторону кота головой.

У Сема вдруг перекопилось лицо, как будто наследник чем-то его сильно обидел, он хмыкнул и сердито добавил:

— Ну, право Святозар это совсем не смешно. Слышишь не смешно. Придумать то такое, что кот и говорит, — он вновь хмыкнул, покачал головой, и, сняв руку с плеча, повернулся и пошел к друзьям, которые бродили около руин дворца.

Наследник некоторое время наблюдал за удаляющимся братом, затем потряс головой, точно пытаясь сбросить с себя наваждение и повернув голову, взглянул на кота. Тот все еще сидел на цепи, и даже как показалось Святозару приоткрыв пасть, тихо смеялся.

— Что? — как-то неуверенно поспрашал Баюна Святозар.

Кот мгновенно перестал смеяться и удовлетворенно замяукав, сказал:

— Что? Верно, ты со стороны то смешно выглядишь. Стоишь тут возле дуба и говоришь сам с собой.

— Как же сам с собой, ты же со мной говоришь? — недоуменно спросил наследник и озабоченно потер бровь.

— Так кроме тебя меня никто не слышит, потому что меня может услышать только тот, с кем я пожелаю вести беседы, да кто мне понравится. Вот ты, мне понравился и я тебе открылся, посему мы и можем вести с тобой умные беседы. А вот он, — и кот махнул хвостом в сторону Сема, онный остановившись подле Стояна, и недовольно зыря на Святозара, что-то ему рассказывал. — Он мне не понравился. Нет, не понравился. Он меня не приветствовал, не проявил уважение и не поклонился, вот теперь пусть мучается, что не услышит моих великих сказов.

Наследник заулыбался, подумав, что Сем, по-видимому, совсем не будет мучиться оттого, что не услышит сказов Баюна, да только вслух того не молвил, а наоборот весьма почтительно произнес:

— Что ж, прекрасный сказитель кот Баюн, благодарю тебя за твой сказ. И скажи мне, а нет ли у тебя какой ко мне просьбы, которую я в благодарность мог для тебя исполнить?

Услышав речь Святозара, кот вдруг беспокойно поднялся на лапы, его черная шерсть резво пошла малой рябью, будто тот весьма взволновался, да каким-то прерывающимся мурлыканьем Баюн ответил:

— Есть... есть у меня к тебе просьба, милый отрок. Прошу тебя исполни ее. — Кот едва пошевелил длинными белыми усами и уже, более спокойно молвил, — я вижу с тобой пришел песенник. Как вернешься на свою землю, прикажи ему написать обо мне сказ.

— Сказ, — удивленно приподняв брови, повторил Святозар.

— Да, сказ, — кивнув головой, пояснил Баюн. — Понимаешь тут скучно, люди очень редко посещают этот остров, но даже тогда когда посещают не приходят ко мне. Ведь они не ведают, что я здесь живу. А когда твой песенник напишет сказ и он полетит по земле, люди узнают обо мне, и, приплывая на остров, будут искать со мной встречи. А я буду петь для них, и рассказывать им легенды далекой земли.

— Хорошо, Баюн, я обещаю тебе, что когда вернусь домой, попрошу своего песенника написать про тебя сказ, ведь песенник мой брат и не откажет моей просьбе, — улыбаясь, пообещал наследник.

— Это, ладно, ладно, что ты такой славный отрок, поэтому то, я тебе и помогу. Ты, Святозар идешь в страну Беловодья. Но, чтобы ты смог туда войти должны отвориться ворота. Знай, левую створку ворот охраняет василиск, чтобы она открылась, ты должен убить василиска. А чтобы открылась правая, ты должен победить грифона. Грифон это дюже мудрое животное, оно не будет биться с тобой мечом или луком, оно будет биться с тобой умом. Когда грифон задаст тебе вопрос, ты должен очень хорошо подумать, закрыть глаза и услышать свою душу. Только душа... твоя душа сможет найти ответ на вопрос грифона. — Кот замолчал, вновь как-то мягко и красиво замурлыкав, верно запев песню, а после, добавил, — когда-то... Весьма... весьма давно страна Беловодья была чудесным Ирием-садом, однако упав на остров Буян потеряла в воздухе большую часть своей охраны, горных великанов и еще трех или четырех василисков, они все потонули в Восточном море.

— Нет, — откликнулся Святозар, обдумывая рассказ Баюна. — Один великан выбрался и теперь живет на великанских островах.

— Да, ты, что? — удивился кот Баюн и потер лапкой свою мордочку. — Ах, какое упущенье, а я ведь это и не знал. Ах... ах... ах... придется теперь пару сказов то переписать, а то ведь чай, Святозар, не ладно когда в сказаньях неправда поется. — Кот нанова смолк, и взволнованным мурлыканьем, спросил, — а, ты не знаешь, как того великана, что живет на этом острове зовут?

— Нет, — покачал головой Святозар, и увидел, как беспокойно задвигались у кота усы. — Она знаешь, мне не назвалась... уж больно она была недовольна моим появлением там.

— А так то великанша была? — переспросил кот и уставился желтющими глазами на наследника.

— Точно, Баюн, великанша, а с ней еще маленький великанчик, — добавил Святозар.

Кот малеша помолчал, и удовлетворенно мурлыкнув, молвил:

— Мур, мур, интересные вести, интересные. — И уже более благодарно дополнил, — спасибо, однако, и тебе Святозар за твой сказ.

— Что ж, Баюн, мне все же пора, — молвил наследник и повернув голову назад, посмотрел на друзей, которые стояли невдалеке, и беспокойно его оглядывали. — Дорога у меня и моей дружины дальняя, так, что не обессудь, прощай. А просьбу я твою, как и обещал, исполню и спасибо тебе за помощь, — Святозар вновь низко поклонился, а кот как-то грустно замурлыкал, и, опустив голову в знак поклона до цепи, тронулся по ней, мягко ступая, и, что-то напевая себе под нос.

— Святозар, — взволнованно спросил друга Стоян, когда они начали восхождение на Сарачинскую гору. — Тот кот с которым... Ну, с которым..

— С которым, я беседовал, друг мой, — помог закончить наследник.

— Вот, вот, беседовал. Он, что, правда, с тобой говорил? А то Сем пришел и сказал, мне, что или ты опять шутишь, или тебе нехорошо, — беспокойным голосом поинтересовался Стоян.

— Ну, Стоян, шутить я, правда, люблю, — кивнув головой, молвил Святозар. — Но в этот раз я не шутил... и плохо мне не было. Этот кот Баюн, живет здесь века и охраняет великие деревья дуб и ель. А дворец, чьи руины вы видели, принадлежал когда-то Велесу и Азовушки.

— А, что ж, — услышал позади себя наследник, обиженный голос Сема. — Что ж я тогда его не слышал.

— Да, ты, брат, извини, конечно, — засмеялся Святозар. — Уж больно ты не почтителен был к коту, не поклонился ты ему, вот он тебе и не открылся, и сказ ты его не услышал, и будешь теперь, верно, до самой смерти мучиться.

— От... еще чего не хватало, мучиться из-за сказа, — усмехнувшись, откликнулся уже более бодрым голосом Сем. — Да-к, меня этими сказами Лель так изнурил, что еще один, да от кота уж я бы точно не выдержал.

— Ишь, ты, скажи-ка, изнурил я его своими сказами, — возмутился Лель, шедший впереди, и остановившись гневно зыркнул на брата. — Слово то какое нашел... Эх! Изнурил... Я, что тебя в сани вместо коня впрягал, да погонял...

— Лель, — обратился к нему наследник. — Кот Баюн попросил тебя, чтобы ты про него сказ создал. И когда мы вернемся в Восурию, спел его, чтобы люди знали про него.

— Хорошо, брат, — вдруг по-озорному, глянув на Святозара, ответил Лель. — Я сказ напишу про кота, обязательно. А еще напишу... слышишь Сем... напишу, как ты оболтус невоспитанный не приветствовал, как то положено у нас восуров, прекрасное создание и был лишен возможности слушать его чудесный сказ.

— Ох, Лель, — негромко протянул Сем и резво сжал руки в кулаки. — Ох, уж я тебе надаю тогда, как услышу такой сказ.

— Так ты же их наслышался, вроде, — молвил наследник и громко прыснул смехом. — Ты ж, вроде, точно конь был ими изнурен, сам только что говорил. Так что можешь Лель спокойно творить свой сказ, и про кота и про оболтуса нашего брата, он все равно такой изнуренный слушать их не станет.

— Радуйся, Святозар, — пробурчал в ответ Сем. — Радуйся, что идешь ты рядом со Стояном, а то бы я тебе, показал кто здесь старший брат.

— Слышишь, Стоян, — громко смеясь, добавил Святозар, и, прибавив шаг, двинулся нагонять хохочущего Леля. — Ты его пока придержи там, чтобы мы с Лелем успели убежать от него вперед и как младшие братья не получили.

Поднимаясь на Сарачинскую гору, Святозар наблюдал, как меняется кругом местность. Вначале пути горы поросли буйными лесами, сплошь из широколиственных деревьев: дуба, ясеня, бука, липы, клена. Все эти деревья были высокими и могучими красавцами. Своими громадными кронами они задерживали свет и тепло, под ними росли лишь низкие травы, да кое-где такие же низенькие кустарники. Идти по такому лесу, было приятно и легко. Летнее солнце стояло очень высоко и жарко нагревало землю. Поэтому тень от крон деревьев спасала друзей и наследника от духоты. Постепенно широколиственные деревья сменились на хвойные в основном ели, сосны, пихты. Эти деревья были такие же рослые и махонистые в объёме, но в отличие от широколиственных деревьев, под пологом хвойных деревьев росло множество трав, кустарников, мхов и лишайников. Множество птиц, зверей, насекомых обитало в этом лесу. Встречались не только знакомые птицы и звери, но те которых доселе и не видывали. Особенно поражали Святозара и дружину птицы. Белые, розовые или зеленые, ростом примерно с ворону, с большим хохолком на голове, и загнутым, словно, у хищной птицы клювом они летали по лесу и, что-то громко выкрикивали, и крик их был похож то на кваканье лягушек, то на собачий лай. Незаметно, для наследника прошел день. Солнце, обогнув с востока на запад Сарачинские горы, двинулось к краю небосвода на покой, и тогда Святозар объявил привал на ночь. Други принялись разводить костры и готовить пищу, захваченную с собой и добытую по пути. Наследник сел около костра, который они разожгли со Стояном и задумался, когда внезапно Часлав, уже прилегший подле огня и задремавший, гулко вскрикнул, подскочил на месте и начал сдирать с себя рубаху и колотить по телу ладонями. Святозар тоже вскочил на ноги и побежал к другу на выручку, а когда подскочил и глянул на то, что вызвало такой пляс у Часлава, застыл на месте и засмеялся.

По телу Часлава ползали маленькие красные, похожие на муравьев насекомые с большими головами и мощными челюстями, их было так много, что все тело друга прямо-таки кишело ими.

— Не смешно, не смешно Святозар, — простонал сердито Часлав и стал гулко хлопать себя ладонью по спине.

— Да, ты остановись на миг, и я прочитаю заговор, — молвил наследник.

Часлав немедленно замер на месте с перекошенным от боли лицом, и Святозар шагнул ближе, вытянул вперед руки, да прошептав заговор, провел ладонями по спине и груди друга. В тот же миг насекомые, словно град с неба, посыпались вниз на землю. И лишь только они опали с друга, тот тут же подпрыгнул, как будто стряхивая оставшиеся, и принялся их яростно топтать на земле.

— погоди, погоди, Часлав, — остановил друга наследник и схватил за руку. — Не надо их топтать сейчас, когда они уснули. Ты немного пережди, они проснутся и тогда ты сможешь потягаться с ними силой, — пристыженный Часлав остановился, перестав топотить, будто разъяренный бык по земле и, начал потирать ужаленные места.

Святозар осмотрел друга, у которого по груди и спине пошли громадные бурые пятна и зашептал над ним заговор, а когда пятна поблекли, а мгновение спустя и вовсе пропали, добавил:

— Друг мой дорогой, ты хоть смотри, куда ложишься. Это же тебе не Восурия, тут нужно быть осторожней, — и развернувшись, направился к своему костру, за которым Стоян уже приготовил что-то съестное.

Наследник, как всегда быстро поел, улегся около костра, и уставился в небо, ожидая разрыва рубца. Тяжелые мысли вдруг накатили на него как морские волны, почему-то подумалось об отце, который там судя по всему не находит себе место переживая за своего дорогого сына

и переживая за не менее дорогого Эриха. Подумалось еще и о матери, с которой так толком и не удалось ему Святозару побыть, поговорить. Как же она там? Уезжая наследник, заметил морщинки, появившиеся на лице матери. Ведь страшный сговор уже начал свое разрушение и скоро убьет ее, и что страшнее всего, у матери даже нет никакой надежды. . . . Потому как всякий кто отдает свою душу в пользование другому уходит в Пекло. Как страшно за мать и страшнее всего, что он Святозар ничего с этим поделать не может, ничего не может исправить. Пекло, Пекельное царство, тьма, Навь. Там правит Чернобог, еще его зовут Кашеем, Черным Змеем. Это извечный враг светлых восурских Богов Сварога, Семаргла, Перуна, ДажьБога. Чернобог — Бог холода, смерти и тьмы. Он разрушает веру, уничтожает книги. Он учит людей, как нужно извратить ведическую веру, создает новые верования, в которых отрицает существования Все-вышнего. Ему служат черные колдуны, дасуни, демоны, демоницы и всякая подлая нечесть. А воеводой у него состоит сам Вий, говорят что Вий брат Дья, Бога ночного неба. Он следит за порядком в Пекле, следит за исполнением сговоров, а также наказывает души сошедшие в Пекло. Сказывают, что у него в руках огненный хлыст, и он им учит души грешников. У Вия тяжелые веки, которые ему вилами держат его слуги, а если человек вдруг взглянет в те очи, то немедля умрет. Святозар подумал о тьме и холоде, оное царит в Нави вечно и тяжело застонал.

— Ты, чего, Святозар, — испуганно спросил сидевший рядом с наследником Стояном. — Тебе, что плохо?

— Да, друг мой, мне очень, очень плохо. И это не боль в груди, с которой я могу справиться. Это другая душевная боль, которую любому человеку тяжело пережить, — тихо ответил наследник.

— Знаешь, Святозар ты лучше закрой глаза и поспи. Сегодня у тебя был трудный подъем, а завтра подъем будет еще тяжелее. И не надо, чтобы вымотанный душевной скорбью, ты не смог сделать, то зачем сюда явился, — добавил он и посмотрел так на наследника, что Святозар внезапно осознал. . .

Осознал. . . Что Стоян для него, словно Храбр для отца. . . Человек, которому можно доверить все, и который никогда никому ничего из доверенного не передаст. И когда наследник это понял и увидел это в серых глазах друга, он приподнялся на локте, подпер рукой голову и рассказал Стояну все, что его так страшно сжигало болью изнутри.

С утра восхождение продолжилось, по мере того, как хвойные леса исчезали, горы становились круче, к середине дня деревья окончательно уступили место лугам, покрытым буйной зеленой травой, а местами от цветения трав полыхали фиолетовые, сине-голубые и желтые ковры. Солнце поднялось высоко и жарко пригревало дружину. Святозар и многие из друзей снимали рубахи, и, обливаясь потом, направились к вершине. Здоровущие ярко окрашенные бабочки взлетали, потревоженные путниками, то там. . . то здесь. Завороженные дружинники и наследник наблюдали за их полетом. Одни из них, бабочки ярко-голубого цвета с удивительными рисунками тяжело, поднимались с цветов, и скованно взмахивая крыльями, улетали вдаль. Другие бабочки имели еще более затейливые цвета, начиная от белого, желтого, розового и, заканчивая, черным и синим, и такие же необыкновенные цветочные узоры на крыльях.

Одна из них огненно-красного цвета пролетала над Годлавом, и тот смахнул ее рубахой в траву, а затем поднял и показал друзьям. Это была крупная бабочка, ее крылья, превышали размер ладони Годлава, сама она была красная, а на крыльях удивительный рисунок ярко- синего цвета. Бабочка сидела на ладони и шевелила усиками и большими глазами, которые занимали значительную часть ее головы. Бабочка взметнула порывисто своими крыльями, поднялась в небо и полетела.

— Какая красота! — восхищенно следя за ее полетом, добавил Годлав.

— Эй, Годлав, — крикнул ушедший вперед Искрен. — Смотри сам не улети в небо, следом за ней, а то уж больно у тебя восторженное лицо, так гляди позади крылья то и вырастут,

взмахнешь ты ими и в небесную даль отправишься. А у нашего наследника, знаешь ли ты, каждый воин на счету.

Годлав околдованный полетом бабочки, опустил голову, и, засмеявшись, молвил:

— Да, уж, ты не беспокойся Искрен, крылья у меня не вырастут, я же все-таки не Святозар, котов не слышу, крылья не отращаю.

— Вот, — простонал идущий рядом с Годлавом Сем. — Дался вам этот кот, прямо хоть, и, правда, обижайся.

— Э... нет, Сем, — крикнул ему Искрен. — Ты погоди, время обижаться тебе на кота, еще не пришло.

Сем кисло посмотрел вслед Искрену и шагающему по правую руку от него Лелю, поморщился, но благоразумно решил не отвечать и не гневить брата, который и впрямь может создать сказ и показать его в нем невоспитанным юношей.

К концу дня зеленые луговые травы сменились на шелковые нити ковыля. Дующий ветерок теребил ковыль, и казалось, что это легкие морские волны пробегают по нему. Святозар видел, что солнце движется к закату, и необходимо было делать привал на ночь, но закончившиеся луга ковыля перешли в каменистую местность со скудной растительностью. Здесь в основном росли маленькие кустарнички, листики которого были окрашены в пурпурные и багряные цвета, а в трещинах и низинах встречались лишайники, красавцы маки на тонких, качающихся стебельках, да мхи.

Подъем вверх очень утомил наследника, он остановился около одного из больших валунов и прислонился к нему головой, надрывно переводя дух. Сзади подошел Стоян.

— Что, Святозар, ты, видать, утомился? Как твоя рана? — тревожным взглядом оглядев наследника, спросил он.

— Надо Стоян, сделать привал. Скоро зайдет солнце, и, рана раскроется, — ответил Святозар, оторвав голову от камня, и потеряв ладонью грудь. — И я, верно, очень устал, да сердце стало болеть.

Подошедший Любим и Звенислав услышали слова наследника, и крикнули шедшим впереди друзьям:

— Эй, робята, ищите ночлег, Святозар устал.

Годлав, Часлав и Вторак развернулись, и согласно кивнув головой, ускорили шаг, двинувшись вверх.

— Святозар, — предложил Звенислав. — Может тебя понести.

Наследник хмыкнул себе в нос, и, покачав головой, произнес:

— Ну, вот право дело, Звенислав. Ты уж вечно такое скажешь, что хоть стой, хоть падай. Ты, вообще себе как представляешь меня понести? На спину, верно, посадишь, а я возьму да перевешу, ну и мы тогда с тобой с этой кручи то вниз как покатымся, да не заметят наши друзья, окажемся на берегу Восточного моря... Здравствуй, Путят, а мы вернулись.

— Ладно, — добавил заулыбавшийся Стоян, представивший лицо Путята, когда тот увидит прикатившегося наследника. — Сейчас не до шуток, — и предал своему лицу серьезность. — Солнце скоро зайдет, и любому со стороны сразу видно, как ты устал и как тебе тяжело идти, друг мой. Поэтому я укреплю себе на ремень веревку, а другой конец привяжу за твой ремень, ты будешь держаться рукой за нее и пойдем. Так тебе намного будет легче идти. А мою суму, — и Стоян снял суму с плеча и стал доставать веревку. — Понесет Звенислав, она его не перевесит, и он точно с кручи вниз не улетит.

— Нет, Стоян, не надо. Я отдохнул и могу сам, без помощи продолжить путь, — заметил Святозар и поморщился от резкой боли в груди, единожды надавившей на сердце и легкие.

— Что, ты верно как дитя, — сказал поравнявшийся с ними Молчун и грозно свел свои густые светлые брови. — Ты точно, хочешь тут обессилить, и, обливаясь кровью упасть, и тогда как правильно сказал Звенислав, нам придется тебя нести. Но не на спине, а уж извини меня,

словно полено, за верхнюю часть тела, да за нижнюю. — И обращаясь к Стояну, добавил, — я брат пойду за наследником следом, и коли, что поддержу его, а ты как устанешь, скажешь, и мы поменяемся с тобой местами.

Стоян уже укрепивший у себя на ремне веревку, подошел к Святозару снял с него ножны с мечом, кинжал и передал их Любиму. Посем он крепко привязал другой конец веревки к его ремню, и, намотав тряпицу ему на правую руку, вложил туда веревку.

— Ну, что Святозар, ты готов? — спросил Стоян, и когда наследник мотнул головой, двинулся вверх на гору.

Теперь Святозару и верно было легче идти, почти не прилагая сил, и лишь переставляя набрякшие от тяжести ноги. Немного погодя откуда-то сверху долетел окрик Вторака:

— Стоян, води наследника сюда, мы нашли пещеру.

Когда Святозар ведомый Стояном приблизился к пещере, то други разводившие костры внутри нее, помогли ему зайти и отвязали веревку от ремня, потому что вся рубаха наследника на груди уже была кроваво-алая. Святозар слегка покачиваясь, пошел к костру и лег возле него, да закрыв глаза, торопливо прочитал заговор. Некоторое время спустя к нему подошел Искрен и укрыл его плащом, а когда наследник открыл очи и посмотрел на друга, тот тихо пояснил:

— Холодает... чувствуешь? Ты, отдыхай, а мы приготовим поесть и принесем тебе.

Святозар благодарно улыбнулся и наново сомкнул очи.

Глава шестая

Наутро наследник проснулся раньше всех, вышел из пещеры, где мирно дремали други и огляделся. Вершина Сарачинской горы устремлялась ввысь, но одно было ясно сегодня они обязательно подойдут к воротам в страну Беловодья, а значит, ему Святозару необходимо создать заговор, который сможет защитить друзей от василиска, когда они будут биться с ним. Потому что василиска, который выглядел, как громадная змея с ярко расцвеченной петушиной головой, можно было победить только мечом. Однако свершить это было крайне сложно, оно как смотреть на василиска нельзя, всякий кто случайно поймает взгляд его огромных глаз мгновенно обращается в камень. Наследник ведал, что именно так и погибли други Храбра и Дубыни, да и сам ведун. Наставники рассказывали, что ведун создал облако, которое закрывало людей, но стоило выйти из этого укрытия, как сразу воин попадал под взгляд или клюв василиска. Спрятавшиеся за облаком дружинники, пытаясь поразить василиска, выскакивали из-под его защиты и гибли, лишь Храбру удалось добраться до головы василиска и отрубить ее. Впрочем, тогда, когда Храбру посчастливилось одолеть василиска в живых кроме него да раненного Дубыни никого не осталось.

Святозар стоял и смотрел в небесную высь, до которой казалось, можно было дотянуться рукой, и, обдумывал заговор. Кудлатые облака не просто укрывали голубой свод своей массивностью, они точно струились по самой скалистой поверхности горы, порой цепляясь за ее выступы своими мохнатыми хвостами, жаркое летнее светило медленно озаряло Явь. Немного погодя из пещеры вышел Стоян, тревожно огляделся в поисках наследника, а приметив того, окликнул, зазывая трапезничать. Святозар постоял еще какое-то время, да, по-видимому, приняв решение и улыбнувшись самому себе, направился к друзьям, которые уже занялись приготовлением съестного, отчего выплывающий из пещеры текучий, будто река, дым стал разносить по поверхности горы приятно-манящие запахи.

Когда дружина поела, а костры были затушены, наследник призвал своих друзей к вниманию и сказал:

— Други мои, сегодня, я уверен, мы подойдем к воротам в страну Беловодья. Эти ворота охраняет страшное чудовище василиск, какового мы должны убить, отрубив ему голову. Чтобы избежать смерти, я хочу создать перед очами каждого из вас небольшое облако, вернее, дымку. Я вложу в эту дымку все свои знания, и всю свою душу, но, что получится точно не смогу сказать. — Юноша чуток помолчал, обдумывая слова заговора, и вздохнув, добавил, — Сем подойди сюда. Встань, напротив меня и закрой глаза, а вы други отойдите подальше и тихо стойте, не отвлекайте меня.

И когда Сем выполнил все, что велел наследник, и, встав напротив брата, затих, Святозар закрыл глаза и принялся шептать: «О, огнекудрый, Бог огня Семаргл! Ты, словно ясное солнце, согреваешь землю! Ты, который не даешь черной мгле накрыть нас! Повелевай моей рукой и создай перед глазами друга моего Сема зеркало — будто воинский доспех. Через которое он будет видеть все, но которое не позволит злобному взгляду василиска другу моему Сему навредить. Да, будет, так как я сказал, ибо слово мое крепче Рипейской горы, на которой покоится сама Небесная Сварга!» — дошептал заговор наследник, открыл глаза и увидел, как по пальцам правой его руки побежали маленькие искорки, точно огонь занимается.

Святозар поднял руку, провел перстами подле глаз Сема, однако, не касаясь их, и на том месте тотчас образовалось желтоватое, еле видимое облако.

— Сем, — позвал брата Святозар. — Открой глаза, — парень немедля отворил очи. — Меня видишь? — поинтересовался наследник.

— Да, Святозар, вижу, только не очень четко, — ответил Сем, торопливо смыкая и размыкая веки.

— Ну, да это не беда, — добавил, довольный своим творением, Святозар. — А теперь Сем подвигайся, наклонись, повернись, походи.

Юноша резко присел, и облако, лишь единого мига не поспевая, опустилось к его глазам. После он также стремительно выпрямился, и вновь дымка едва замешкав, мгновение спустя поднялась к глазам Сема. Наследнику дюже не понравилось, что облако не двигается вместе с глазами и запаздывает в движении. Он приказал Сему снова закрыть глаза и создал новый заговор, впрочем, также как и в первом случае, облако при резких движениях слегка запаздывало.

— Святозар, — обратился к нему Стоян, когда недовольный собой наследник, создал уже и третий заговор, а дымка все также продолжала медлить. — Погляди, солнце уже поднялось, нам надо торопиться. Твой заговор и так прекрасен. Лишь на мгновение запаздывает облако, каждый из нас будет это помнить во время битвы.

— Эта задержка может стоить вам жизни, — сердито заметил Святозар, и потер задумчиво правым пальцем бровь.

— Но, мы, друг мой, не можем ждать дольше. Если мы не поспешим, то битва с василиском может застать нас вечером. Тогда ты будешь очень утомлен и ослаблен раной, и от нас тогда точно отвернется удача, — разумно сказал Стоян и похлопал друга по плечу. — Создавай эту дымку у каждого из нас и отправляемся в путь.

Святозар был весьма раздосадован, но понимая, что Стоян прав, с тяжелым сердцем приступил к созданию такой дымки перед очами остальных друзей, а последнему сотворил защиту себе.

Выйдя из пещеры, дружина двинулась вверх. Подъем был крутым и дюже тяжелым. Мелкий камень, превращенный почти в песок, скользил под ногами, большие булыжники, на которые иногда опирались руками или ногами други, срывались и скатывались вниз. Кое-где приходилось прямо-таки ползти на четвереньках, цепляясь за маленькие кустарники, оные единственные кто рос на этих кручах. Отдыхая, наследник садился и смотрел, сквозь желтоватую дымку вниз, и видел там сплошное зеленое месиво леса и голубое бескрайнее море. К середине дня гора постепенно стала снижать свою крутизну, а вскоре и вовсе обратилась в пологую. Святозар чувствуя конец восхождения, остановил друзей возле огромного валуна и заставил всех передохнуть. И когда отдышавшиеся, перекусившие и попившие воды други, были готовы продолжить путь, наследник сказал им:

— Я, думаю, что мы уже в конце пути. Будьте все осторожны и следуйте за мной, — и пошел вперед, обогнав Вторака и Годлава.

Святозар оказался прав, потому что пологий каменистый склон вывел их на чуток покатную горную вершину, на которой стояли упирающиеся в небо высокие, деревянные ворота, с двумя створками, укрепленные на двух громадных столпах. Деревянные ворота были просты, лишь кое-где украшены причудливой резьбой, но зато они наблюдались весьма крепкими и массивными, видно было сразу, что когда их создавал Бог Сварог, он не столько думал о красоте, сколько о прочности.

Когда наследник и дружина подошли ближе, то увидели громадного василиска, лежащего недалеко от ворот. Василиск порывчато вздел голову и двинулся к ним навстречу, передвигаясь на кольцах собственного тела. Длинное черное змеиное тело венчала громадная петушиная голова, с высоким гребнем и долгими сережками, свисающими по обеим сторонам головы. Большие, оранжевые глаза и здоровущий клюв, оный широко раскрывшись показал раздвоенный язык, все знаменовало о сказочности и силе того существа.

Святозар скомандовал дружине приготовиться к битве и сам достал меч, а ножны, сняв с пояса, откинул в сторону. Наследник видел, как Горазд и Молчун натянули луки и пустили стрелы, одна из коих была перехвачена языком василиска в воздухе, другая же попала в его тело. И сей же миг из раны потекла тонкая струйка крови на землю, которая не успев коснуться поверхности горы немедля обернулась змеей. Эта была небольшая, лишь в сажень длиной змея,

черного с просинью цвета, она кинулась на Искрена, а тот резво взмахнул мечом и перерубил ее надвое.

Увидев это, Святозар оглянулся назад, чтобы прекратить стрельбу из лука, но заметил лишь, как в воздух наново взвились стрелы, и вmale воткнулись в тело василиска. А когда из ран потекла густая кровь и впаала на землю, то, как и в первый раз, она тотчас превратилась в змей.

— Молчун, Горазд, не стреляйте, — зычно крикнул наследник Святозар. — Ему надо отрубить голову.

И малеша погодя следом за Звениславом и Искреном кинулся к василиску. А волшебное существо меж тем обливаясь кровью порождало из ран все больше и больше саженных змей. И вскоре тех было уже десятка два. Други суматошно выставили вперед мечи, и, образовав стену, принялись разрубать саженных змей, да отмахиваться от василиска, который, несмотря на текущую с него кровь смело нападал на дружину.

— Голову, голову надо срубить, — кликнул Стоян, а после еще зычнее, обращаясь к наследнику, до кричал, — берегись Святозар!.. Сзади!

Услышав окрик Стояна, наследник оглянулся и увидел, что две змеи заходили на другов сзади. Не мешкая, он кинулся на змей, рассекая их черные тела на части, и внезапно услышал позади себя клацканье клюва, то василиск, прорвав стену из другов, напал на него со спины. Резко присев наследник на мгновение потерял облако из виду, а сзади прямо над головой послышался пронзительный клетот. Святозар поднялся, отпрыгнул в сторону и повернулся, дымка так и не поспевающая за ним, задержалась где-то позади головы. А развернувшийся наследник успел сомкнуть глаза, оно как к нему уже приближалась голова василиска. Лишь мгновение спустя Святозар ощутил крепкий толчок в правое плечо и скрежетание клюва по груди, да повалился на землю. Когда наследник открыл глаза, то первое, что увидел перед собой огромный белый валун. Немедля послышался громкий вопль Часлава, бежавшего наперерез камню и Святозару да разрубающего по дороге саженных змей. Стремительно вскочив на ноги и ощутив острую боль в груди, наследник узрел над валуном, появившуюся громадная голову василиска, цепляющуюся своими ярко-красными сережками за каменную его поверхность.

— Святозар, — крикнул Сем, и, подбежав к брату, рассек позади него змею.

А громадная голова уже нависала над наследником и Семом. Часлав подбежал к василиску и рубанул его прямо по гребню, кровь хлынувшая во все стороны стала превращаться в змей, которые жутко шипя, поползли на Сема и Святозара. Василиск повернул свою голову с надвое разрубленным кровавым гребешком и кинулся на Часлава.

Святозар не видел дальнейшего боя Часлава и василиска, так как глаза его стала застилать дымка, и это была не та дымка, которую он создал. Наследник остановился на мгновение и посмотрел на грудь, рубаха была разорвана и щедро залита кровью, это, по-видимому, василиск так-таки зацепил его клювом. Немного покачиваясь, Святозар, продолжал отбиваться от наползающих на него с разных сторон змей, когда на выручку ему прибежали Вторак и Любим. И тогда наследник повернул голову и увидел, как Искрен и Звенислав напали на василиска, они ни на миг, ни прекращая разить его и змей, гнали волшебное существо к громадным валунам, стоявшим подле самых ворот в Беловодье. Василиск отступал, пятясь на своих кольцах назад, и лишь Звенислав приблизился к одному из валунов, как Искрен рубанул василиска по правой сережке. Василиск чуть зримо вздрогнул и спешно повертал голову направо, намереваясь напасть на Искрена, Звенислав же тем временем залез на округлый валун, поднял меч и что есть мочи рубанул им василиска по тому месту, где у него срасталась голова и тело. Голова высоко подпрыгнула вверх, свершила там мудреный переворот, да опосля того полетела вниз на землю, а из тела прямо на Искрена брызнул целый поток красно-бурой крови. Тело василиска, лишившись головы, на мгновение замерло, судорожно задрожало и спустя морг стало разворачиваться, сотрясаясь и качаясь из стороны в сторону, еще миг и оно повалилось на

землю. А все змеи наполнившие вершину горы тут же попадали, и, превратившись в бурю, впитались в землю.

Святозар увидев, как голова василиска отлетела, и тут же сам покачнулся и выронил меч, Вторак и Любим бережно его подхватили и уложили на землю. Наследник провел пальцами по ране и почувствовал под ними громадную рану и поломанные кости. Глубоко вздохнув и понимая, что он сейчас не имеет право потерять сознание, Святозар заплетающимся языком начал читать заговор. Но обессиленный и потерявший много крови наследник лишь со второго раз смог полностью себя излечить, зарубцевать рану и поставить кости на место. Все еще чувствуя большую слабость и боль в груди Святозар поддерживаемый Вторак сел и осмотрел своих друзей. Горазд, Лель, Сем и Годлав были также ранены, но не так тяжело как Святозар, поэтому прочитав над ними заговоры наследник излечил их раны и починил им кости. А немного отдышавшись, взмахнул рукой и громко крикнул дымке: «Именем, Семаргла спадь!», и в тот же миг дымка находящаяся перед очами Святозара и друзей исчезла.

— Вторак, — добавил Святозар. — Помоги мне лечь и позови Стояна.

Вторак осторожно подложил под голову наследника заплочный мешок, сам суетливо отвернул лицо от него и порывисто качнул головой. И тотчас внутри Святозара неожиданно заплакала, застонала душа, будто пытаясь ему, что-то сказать, наследник вздрогнул всем телом, а потом звонко закричал:

— Стоян, старший из моих друзей! — да тока Стоян ему не ответил.

Святозар приподнялся на руке и сызнова обзрел друзей, замерших вокруг него да опустивших низко головы, словно не смея взглянуть на него. Среди дружинников, однако, не было Стояна и Часлава.

— Нет, нет, — замотав головой, прошептал наследник. — Этого не может быть...

— Святозар, — также тихо откликнулся Искрен, и, вздев голову, утер глаза тыльной стороной ладони. — Нет больше Стояна и Часлава. Василиск обратил их в камни.

Наследник, услышав те страшные слова, тяжело поднялся с земли на ноги и лицезрел место битвы. И когда его взор остановился на большом белом валуне, который внезапно появился между ним и василиском он все понял... понял, что этот валун и есть его дорогой друг. Стоян исполняя клятву данную правителю, пожертвовал своей жизнью, чтобы спасти Святозара. Покачиваясь, и едва передвигая ноги, наследник двинулся к камню, а подойдя к нему вплотную, уткнулся в его чуть теплую гладкую поверхность лбом, обнял и горько заплакал.

— Прости, прости меня Стоян. Если бы не я, ты мой дорогой друг был бы сейчас жив. Как я смогу посмотреть в глаза твоему отцу? Как я смогу посмотреть в глаза Белославы? — чуть слышно прошептал Святозар и вновь приник к глади камня щекой, словно пытаясь своим дыханием вернуть к жизни друга.

По лицу наследника все еще продолжали течь слезы, когда вдруг левая створка ворот пришла в движение, покачнувшись, и туго скрипя громадными петлями начала отворяться. При первом скрипе ворот Святозар оторвал голову от валуна, и, взглянув на открывающуюся створку, поспешил к появляющемуся проходу. Прямо перед собой он увидел чудесную зеленую долину, испещренную реками. Наследник протянул руку вперед и на границе вершины и волшебной страны Беловодья ощутил плотную, невидимую преграду, которая не давала путникам войти вовнутрь. «Надо ждать грифона», — догадался он, и тогда ж позади себя услышал окрик Звенислава:

— Святозар, поди скорей сюда.

Наследник оглянулся и увидел, что Звенислав и Искрен стоят возле головы василиска. Слегка покачиваясь, и все еще ощущая боль в груди, да слабость Святозар приблизился к друзьям и оперся рукой о плечо Искрена. Звенислав протянул меч и показал его острием на клюв василиска. По первому наследник ничего не понял, но вmale узрел, как клюв василиска

принялся, совсем полегонечку, приотворяться, точно кто-то изнутри пытался его распахнуть. Святозар, наблюдая за головой василиска, видел, что глаза на ней были плотно прикрыты, почти красными веками сверху усыпанными мельчайшим перьевым пушком. Однако клюв все больше расширялся, внезапно голова яростно подпрыгнула на месте, и, из широко раздавшегося клюва на землю выкатилось огромное яйцо сизого цвета. Оно завертелось на месте как заведенный волчок, сизнова подскочило ввысь и стремительно покатилося вниз к расщелине. Звенислав от неожиданности подпрыгнул на месте и отпрянул в сторону, а мгновение спустя побежал следом за яйцом, притом пытаясь на ходу ударить по нему мечом.

— Не тронь, не тронь его, Звенислав, — сам не ожидая от себя таких слов, закричал вслед другу Святозар, и, опираясь на плечо Искрена, поспешил к Звениславу, который, так и не разбив яйца, замер подле края расщелины, куда до того оно успело шмыгнуть.

Наследник приблизился к расщелине и заглянул в нее, та была небольшой, всего лишь аршин в глубину, а дне его, будто нарочно устланном мхом, лежало сизое яйцо.

— Почему ты сказал, чтобы я его не трогал? Он убил наших друзей, — раздраженно спросил Звенислав.

Святозар покачал головой, и с дрожью в голосе, ответил:

— Нет, это сделал не он, а его отец.

— Какая разница он, не он. Вот я его сейчас разобью, и больше никто никогда никого не превратит в камень, — сердитодохнул Звенислав и просунул меч в расщелину.

Яйцо словно чувствуя, что ему грозит смерть, опять беспокойно завертелось на дне.

— Не смей, Звенислав, — почти крикнул на друга Святозар. — Слышишь, не смей! Никогда восуры не бились со слабыми и малыми. — Наследник, взялся рукой за грудь, тяжело задышал и уже чуть тише добавил, — его убивать нельзя. Потому что так положено самим Богом Сварогом, чтобы вечно василиски охраняли Беловодье, и чтобы род их никогда не перемелся.

Звенислав поднял голову, воззрился на наследника, и без задержу, судя по всему, признавая верность его речи, вытащил меч из расщелины. И как только он это сделал, яйцо перестав вертеться, затихло на месте. И стоило яйцу успокоиться, как над головой Святозара и друзей послышался шум от взмахов крыльев. Наследник поднял голову и увидел опускающегося к правой створке ворот грифона.

Существо коснулось земли, сложило крылья, и зыркнуло на дружину, точно стараясь разглядеть каждого, а после остановило свой взор на Святозаре и внимательно, с каким-то интересом принялось его рассматривать. Наследник тоже оглядел грифона, ведь на самом деле, это прекрасное существо было необычайно красиво. На громадном теле кошки, покрытом желтоватой шерстью, находилась большая орлиная голова с желтым, ярко горящим клювом и крупными темно-карими пронзительными глазами. Два огромных в тон голове белоснежных крыла, покоились на теле. Четыре мощные лапы поддерживали тело, а на концах пальцы венчались крупными, острыми, серебристыми когтями, сзади изящно изгибался длинный змеиный хвост с острым, серебряным когтем на конце. Грифон по поверьям восуров был одновременно символом воздуха и земли, олицетворяя собой силу, бдительность и мудрость. Во всех восурских сказаниях он был стражем тайных знаний.

Дружина разбросанная по вершине в миг схватила мечи, и, выставив их вперед кинулась на грифона.

— Остановитесь! — повелительно сказал наследник, и, отпустив плечо Искрена, за которое все еще продолжался держаться, пошел к грифону.

Святозар приблизился к грифону, остановился в нескольких шагах от него и узрев в его темно-карих глазах вспыхивающие огоньки света, низко поклонился.

Грифон поклонился в ответ, а когда позади наследника други вложили мечи в ножны, с едва различимым птичьим клекотом обратился к юноше:

— Кто ты, юный отрок? Назовись, и сообщи причину, по каковой ты явился к воротам страны Беловодья.

— Я, мудрая птица, — начал свой ответ Святозар. — Наследник восурского престола Святозар, сын правителя Ярила, по реклу Щедрый, потомок великого ведуна Богомудра. Я прибыл в страну Беловодья, чтобы добыть воду из молочной реки, и излечить свою рану, и рану моего младшего брата.

Грифон выслушал Святозара, и присев на задние лапы, поджав под себя змеевидный хвост, сказал:

— О, Святозар, наследник восурского престола вижу я, твоя цель прихода в Беловодье благородна. Вижу также, что ты и твои друзья проявили храбрость, победив василиска и мудрость, не убив его потомка. А потому и отворилась створка, а потому и явился я. Однако чтоб ты смог войти в волшебную страну Беловодья, нужно отворить и вторую створку, правую. А та, вторая створка, открывается лишь умным и великим людям. Людям, кои смогут ответить на мой вопрос. Ты, Святозар, готов его услышать и готов ли ты на него ответить?

Наследник надрывно задышал, чувствуя, как на самом деле он обессилен сегодняшним боем и раной, как душевно ослабел от потери друзей. И, кажется, нет возможности и нет желания отвечать на вопрос грифона, да только внезапно в голове Святозара пронеслись стремительной волной слова Стояна, которые недавно на привале тот ему говаривал: «...И не надо, чтобы вымотанный душевной скорбью, ты не смог сделать, то зачем сюда явился!» Вспомнил Святозар и своего брата Эриха, который где-то умирает, от тяжелой раны. Вспомнил тот трудный путь, который он прошел, чтобы достигнуть страны Беловодья. Вспомнил и мысленно поблагодарил своего друга, каковой даже сейчас, после смерти, помогает ему своим советом и поддержкой. И тогда понял наследник главное, что не может он сейчас падать духом, хотя бы ради Стояна и Часлава, оные пожертвовали своими жизнями ради него. И посему успокоенный и благодарный своим друзьям, Святозар поднял глаза, посмотрел прямо в очи мудрой птице и молвил:

— Да, мудрая птица, я готов выслушать твой вопрос.

Грифон некоторое время молчал, пронзительным взглядом созерцая наследника, а погода произнес:

— Расскажи мне, Святозар, что такое человеческая жизнь, и какова ее цель? Да, ответь мне так, чтобы твой сказ, словно песня пролетела над вершиной Сарачинской горы.

Наследник, услышав вопрос, первым делом подумал о том совете, который дал ему на прощание кот Баюн. И теперь только понял, что имел в виду кот, говоря о том, что нужно доверить этот ответ своей душе, которая живет уже не одну жизнь, и на самом деле очень мудра. А потому Святозар закрыл глаза и вздохнул, он мысленно представил себе свою душу, которая находится в груди, вблизи сердца и горит лазурным светом: «Слышишь, — тихо прошептал душе Святозар. — Слышишь его вопрос. Ответь, ведь ты знаешь, что надо сказать?» А когда душа согласно кивнула, юноша открыл глаза и начал свой сказ:

— Ранним утром я вышел на зеленый луг, где в высоких травах прятались капельки прохладной, чистой росы. Прямо позади меня из глубины тверди показалось солнце. Я помню, что мне было совсем мало лет, не больше двух. Я поднял свою голову, посмотрел на все еще темное небо, посмотрел на расстилающееся зеленое поле трав и цветов, которые были так высоки, что доходили мне до груди... И вступил в этот мир... Вначале пути идти было весьма тяжело, высокие злаки, преграждающие путь, мне приходилось раздвигать руками, а нежные мои стопы натыкались на острые выходящие из земли отростки, али маханькие вздыбленные кочки. Серебристые капли росы, стекая по полотну моей рубахи, делали ее сырой и холодной. Но по мере того как я шел вперед солнце позади меня начало подниматься, а вместе с его подъемом по первому обсохли травы, а следом и моя рубаха. Теперь не испытывая холода я шагал бодрее, и видел, как травы округ меня стали, вроде уменьшаться или то я начал расти. Каждый

шаг делал меня уверенней и сильней, а подошвы мои более не ощущали колкости земли... Наконец, я вырос настолько, что мог себе позволить побежать. Сначала лишь несколько быстрых шагов, а потом все быстрее... быстрее. О какое это было прекрасное чувство, я ускорял свой бег и моя молодая, чистая душа и тело словно наполнялись светом взошедшего позади меня солнечного светила. Временами мне казалось еще мгновение, и я полечу... Я был счастлив... Я кричал от восторга. А когда я повернул голову, то увидел, что солнечное светило поднялось на треть небосвода, и оно было таким теплым и ласковым, точно руки заботливого отца. Местность, по каковой я продолжал свой бег, стала меняться, по первому, совсем чуть-чуть... самую малость, но яркие, пылающие ковры цветов, сменились на зеленые, однако не менее, прекрасные травы. Земля была чудесна. И тогда я начал взрослеть. Я видел, как поднимающееся к середине небосвода солнце принялось нагревать землю, а вместе с этим допрежь того зеленые травы стали желтеть и выгорать. А я меж тем продолжал свой бег. Когда солнце показало середину небосвода, я начал обливаться потом, и ощутил, как оно, подобно немилосердному сопернику, желало обжечь мои плечи и опалить волосы на моей голове... Впрочем я был еще полон сил... Я был еще молод, и, не снижая быстроты своего бега, продолжал путь. Внезапно впереди себя я увидел небольшую расщелину. Я подбежал к ее краю, и легко перепрыгнув ту щель, двинулся дальше. Теперь впереди меня лежала иная земля, трава более не устилала ее, а вся ее поверхность была сплошь покрыта безжизненным песком с разбросанными то там, то сям мощными булыжниками и широкими трещинами. Бежать с каждым вздохом становилось трудней, то ли потому что мои ноги увязали в песке... То ли потому что все время приходилось обегать камни и перепрыгивать глубокие расщелины... То ли потому что опускающееся солнце стало светить мне в глаза... А может быть потому что я стал стареть. Уже не было той прыти преодоления преград, все чаще и чаще казалось, что просторы земли лишь высасывают жизненные силы. Временами я с бега переходил на ходьбу, и мучительно дыша, грустно смотрел на заходящее солнце или оглядывался назад, туда, где был молод и так счастлив. А после вновь продолжал свой бег... Но то уже был и не бег-то совсем, а так лишь жалкое его подобие. Наконец солнце закатилось за небесный свод, но оставило на поверхности земли тонкую полоску белого света... И тогда я понял, что все это время бежал именно к этой полоске света. Теперь я знал, где закончится мой путь, и, выбиваясь из сил, побежал быстрее. Но, что это?... Передо мной расстилалась громадная бездна, я чувствовал, что это последняя преграда на моем пути и если я приложу силы и перепрыгну ее, то тогда попаду туда на полоску белого света. Впрочем, край бездны был так далек, а я так стар и слаб. И все же я крикнул себе громко, по-стариковски: «Беги, беги, что есть силы!» И прилагая все, что осталось в моем дряхлом теле, подбежал к краю бездны, оттолкнулся и полетел вперед».

Святозар замолчал, тяжело переводя дух, будто это он только, что совершил тот страшный полет над бездной, и посмотрел на грифона. И тогда ж услышал, что с небес к вершине Сарачинской горы льется тихая и нежная музыка, словно кто-то там, в далекой небесной выси, заиграл на гуслях, чтобы лучше звучал сказ наследника. Мгновение спустя музыка затихла, а грифон встал на свои лапы и низко до земли поклонился Святозару. Волшебное создание неторопливо расправило крылья, и, сделав пару быстрых шагов, взметнув ими подальше в высокое, голубое небо. Грифон свершил махонистый круг над вершиной, да морг погода скрылся из глаз. И тотчас правая створка ворот пришла в движение, покачнулась и, также как до этого левая, туго скрипя, принялась отворяться.

Глава седьмая

Святозар направился к распахнутым воротам, и, подойдя к полосе разделяющей вершину, где землю устилали лишь камни, ступил в страну Беловодья. И тут же услышал множество прекрасных звуков: продолжительные птичьи трели, окрики зверей, шевеление ветерка и звон текущей где-то невдалеке реки. Наследник оглянулся на дружину и позвал их к себе, напоследок кинув печальный взгляд на валуны, в которые превратились Стоян и Часлав, да надрывно вздохнул. Святозар продолжал смотреть на валуны, когда к нему подошли Искрен и Звенислав.

— Искрен, — обратился он к другу. — Тебе не кажется странным, что все валуны, которые находятся на вершине, а их будет несколько десятков, черные, а те..., — и голос Святозара дрогнул, — те, в которые превратились... други светлые.

Искрен обернулся, посмотрел на валун, в оный превратился его брат, и, смахнув с лица набежавшую слезу, ничего не ответил, только печально покачал головой.

Когда все други уже вступили в Беловодье, наследник укрепив на ремне ножны с мечом поданные Лелем, и перекинув лук через плечо, двинулся вперед. У Святозара все еще болела грудь, и кружилась голова, но цель его пути была так близка, что он решил терпеть и идти пока идется.

Расстилавшаяся перед дружиной долина сверкала, точно драгоценный камень изумруд, травами. Святозар и дружина спустились с небольшого возвышения, на котором находились ворота, вниз в долину, поросшую низкими травами, да чудесными полевыми цветами: ярко-желтыми лютиками, нежно-голубыми колокольчиками, синими васильками, да белыми с желтой корзиночкой ромашками. Белые, желтые и едва голубоватые бабочки летали с цветка на цветок. В воздухе суетились стрекозы, пчелы и шмели. Дышалось так легко и свободно. У наследника даже прошло головокружение, и ушла слабость.

— Словно, домой в Восурию попали, — внезапно нарушив молчание идущих, сказал Годлав. — А пахнет жарким летним днем. Тогда когда выйдешь в луга, упадешь в траву, и надышаться этой дивной чистотой не можешь.

Святозар улыбнулся словам друга, и добавил:

— Это когда то был Ирий-сад, и сюда приходили души умерших восуров, потому и немудрено, что их встречала родимая земля.

Сопровождаемый дружиной наследник шел вперед. Пройдя через долину, они очутились в небольшом березовом лесу, где, словно посаженные в ряд росли низкие белоствольные березы, с тонкими плакучими ветвями, а кое-где и ольха, покрытая гладкой серой корой, да малорослые кустарники лещины с овальными опущенными листьями, усыпанные орехом. В лесу, наполненном травами и бьющими отовсюду родниками, не умолкала трель соловья и дрозда. Два великих певца Восурии сидели невысоко на ветвях берез и старались друг друга перепеть. Лес также наполняли звери, да звери которые обитали в Восурии: длинноухие зайцы, небольшие стада пятнистых оленей и кабанов, серые и бурые белки. Звери, не видевшие человека, совершенно не боялись Святозара и его дружины, и, поглядывая на людей, останавливались и на малость застывали на месте, а немного спустя продолжали свой путь. В лесу наследник наконец-то разглядел еле видимую звериную тропу. Он достал из ножен кинжал, воткнул позади сапогов и прочитал заговор, которому когда-то научил его отец: «О, ты, великий кинжал ведуна Богомудра, отрежь все не прямые пути, все долгие пути, направь тропу именем Богини Мать-Сыра-Земля, прямо к моей прародительнице корове Земун. Да, води меня дорогой чистой и легкой! И слово мое крепко! И слово мое сильно!» Святозар закончил читать заговор, слегка изменив его конец, чтобы не лезть через овраги и не прыгать через буераки, как это было в Сумрачном лесу. И увидел, что тропа, не мешкая, изогнулась вправо и стала

более зримой. Наследник вытащил кинжал из земли, обер его о штанину и вставив в ножны, вместе с дружиной двинулся по тропе.

— Святозар, — обратился к нему Лель, шедший следом. — А я и не знал, что ты так сказывать можешь.

— Это брат не я, а моя душа сказывала, — тихо ответил наследник.

— Значит, брат, у тебя и правда, великая душа, раз она так красиво может петь, — по доброму молвил Лель, и чуток помолчав, добавил, — как только ты запел, с небес на вершину Сарачинской горы потекла дивная музыка. Я поднял голову и посмотрел туда ввысь, и мне показалось... Знаешь, брат, мне показалось, что там в лучах летнего солнца переливаясь словно радуга стоял Бог, и играл на гусях.

Наследник оглянулся на брата, улыбнулся, и почему-то больше не ощущая внутри себя боль, заметил:

— Наверно, так и было...

— Да, ты так думаешь? Ты думаешь, я увидел Бога? — взволнованно спросил Лель.

— Может брат, ты и увидел Бога. Но одно точно, музыка и правда текла с небес, — откликнулся Святозар.

— Это был ДажьБог, — после непродолжительной передышки произнес Лель. — Именно ДажьБог, по поверьям восуров, играет на гусях и творит божественные сказания. Посему и мы, восуры, так любим сказанья и музыку, оно как наш прародитель ДажьБог, создавая нас, вложил в наши души эту любовь.

Наследнику ничего не ответил брату, а сам подумал, что как когда-то ДажьБог явился к плывущему в Беловодье Богомудру на помощь и победил Черномора, так и ныне он пришел, чтобы помочь ему Святозару, ответить на вопрос грифона и наполнить его сказ еще и чистой, светлой музыкой. А это значит, что ДажьБог следит за ним и видит, как преодолевает он все трудности на своем нелегком жизненном пути. И в тот же миг, как юноша это осознал, наполнилась душа его такой благодарностью и теплом, что ушла из нее всякая боль, хворь и страдание.

Тропа изгибаясь будто живая, повернула налево и вывела дружину из березового леса. Святозар и други поднялись на покатую возвышенность, по правой стороне которой росли высокие восурские дубы, буки и вязы, и, остановившись на ее вершине, глянули вниз. Там впереди стояли высоченные деревья, раза в два превышавшие высоту дубов и вязов, они были просто великанами в мире растений. Спустившись вниз со склона, наследник смог рассмотреть их широкие бледно-бурые стволы, густые кроны, ветви каковых поросли большими плоскими темно-зелеными листьями. Сами ветви переплетались длинными наподобие веревки бурыми лишайниками, скрученными между собой. Прямо на стволах и огромных ветках росли цветы и необычные желтые и бурые крупные ягоды. Где-то высоко в кроне деревьев раздавались крики зверей и птиц. По стволам бегали большие ярко-зеленые ящерицы, желтые змеи, и крупные пурпурные жуки. Земля ярко-красного цвета была устлана ковром из опавшей листвы, да кое-где на ней росли не высокие с широкими листьями кустарники и травы.

Святозар остановился и посмотрел, навверх, пытаясь разглядеть жителей этого чудесного места. Там где-то далеко в густо переплетенной кроне слышалась мелодичная песня—рев, с резкими отрывистыми выкриками. Одно из существ внезапно прыгнуло с ветки и повисло на крепком, буром лишайнике осматривая путников, то был рыжий зверь, который висел, раскачиваясь на длинных передних похожих на человеческие руки, лапах. У существа была весьма потешная мордочка, отдаленно напоминающая человежье лицо.

— Это обезьяна, — объяснил Звенислав, и, встав подле наследника, задрал голову. — Я такую видел на базаре, куда ее привезли неллы, надеясь продать. Обезьяна сидела в деревянной клетке, ела фрукты и скалила на всех зубы. Но никто из восуров ее не покупал, а когда похолодало она подохла, жаль ее было. Они неллы держат их у себя в жилищах, вроде как лошади

и собаки. А я, все время, приходя с мальчишками на базар, смотрел на нее и думал, ну, какой прок от такого зверя в доме. Она то и умела всего, что скалить зубы.

— Знаешь, — заметил Святозар не сводя взора с раскачивающийся туды-сюды в кронах деревьев обезьяны. — Бог наш Сварог очень мудрый, поэтому он, и, разделил зверей на домашних, которые живут с нами и помогают нам, и диких, которые должны жить на воле, и украшать наши поля, луга и леса. И, верно такой зверь должен жить в этом великолепном и мощном лесу, и быть вольным.

— Это ты Святозар верно сказал, — согласился с наследником Звенислав.

А обезьяна тем временем, закачалась на руках, и, схватившись за другой лишайник, пролетела на нем по воздуху, взобралась на ветку и исчезла в кроне. Наследник еще какое-то время смотрел вверх, а потом тронулся дальше. Но пройдя совсем немного, дружина увидела прямо на тропе еще одно существо. Это был небольшой зверь похожий на кабана. Только в отличие от кабана, зверь был черным и на спине укрытый белым чепраком. Морда его была длинной, словно толстое рыльце. Зверь обернулся, посмотрел на людей, втянул в себя воздух рыльцем, да пошевелив небольшими треугольными ушами враз скрылся за ближайшим деревом.

Постепенно деревья стали уменьшаться и в высоте, и в ширине, а под ними теперь росли высокие травы, да густые кустарники, на ветвях которых сидели диковинные птицы. Невиданные оперенья и роскошные цвета, украшали их. Наследник и други снова остановились очарованные красотой одной из птиц, что сидела на ветке низкого деревца.

Птица по размеру не превышала сойку. Бархатные перья на голове, шеи и груди отливали золотисто-зеленым цветом. На задней части головы высился красный хохолок с золотистыми кончиками. Длинные крылья и хвост от нежно-желтого до ярко-оранжевого сверкали и переливались. Крупные ноги и согнутый клюв серо-голубого цвета, и черные, точно две бусинки, глаза. Птица испускала мощные и пронзительные трели необыкновенно нежные, радостные и отрывистые. Святозар протянул руку и дотронулся до чудесной птицы, та ничуть не испугавшись, лишь на мгновение затихла, посмотрела на наследника, и, приподняв головку, продолжила прерванную песню.

Другие птицы, перелетающие с дерева на дерево, были также чудесны. Их цвета отливали темно-зеленым, фиолетовым, золотисто-желтым, багряно-красным цветами, с необыкновенно длинными перьями крыльев и хвостов изгибающимися, ступенчатыми, да имеющие различные завитки и вихоры.

Как только наследник дотронулся до дивной птицы, так сразу почувствовал внутри себя необыкновенную легкость. Он оглянулся и увидел лица своих друзей, кои осветились улыбками благодушия и счастья. Задорный смех стал раздаваться все чаще и чаще. Ребята шли по тропе, совершенно позабыв печаль и боль, радостно приветствуя каждую новую птицу или зверя. Временами Святозар еще вспоминал, зачем он сюда прибыл, вспоминал цель своего пути, и погибших друзей. Но чем дальше они продвигались вглубь страны Беловодья, тем меньше оставалось скорби в сердце. И какое-то время спустя, наполненный изнутри отрадностью и ликованием, наследник совершенно забыл о том, зачем сюда явился.

Тропа привела их к неширокой бело-голубой речушке, на ее берегу росли приземистые кустарники с зеленой листвой и с ярко-красными, круглыми плодами. Вторак подошел к кусту, сорвал один из плодов, и разломил его напополам. Внутри плода оказались маленькие с ноготок алые ягоды. Парень взял одну ягоду засунул себе в рот, да после протянул плод наследнику. Святозар попробовал чудную ягоду, которая на вкус оказалась кисло-сладкой, и устремил взгляд на речушку, миг погоды спешно направившись к воде. Резво скинув с себя сапоги, одежду наследник вошел в реку, и, нырнув в будто хрустальные воды, поплыл. Вода оказалась очень теплой, и, плавая в ней Святозар, ощущал необыкновенную легкость, чистоту и всепоглощающую радость. Казалось, что боли, страдания и зла вообще никогда не существовало.

Когда наследник накупавшись, вышел из речушки и лег на мелкий песок, покрывающий ее берега, дружина последовала его примеру и отправилась купаться в небесно-хрустальной воде. Закрыв глаза, Святозар почувствовал не жаркие лучи солнца, свежий обдувающий лицо ветерок, и необыкновенные медовые ароматы в воздухе. Все мысли покинули его голову, и только наслаждение и благодать царили в теле и душе.

Пододошедший к нему Вторак, окликнул его и показал ему круглый большой плод бледно-желтого цвета. Он сел рядом, кинжалом разрезал плод на четыре части. Внутри плода оказалась бледно-желтая мякоть, усыпанная белыми семенами. Вторак очистил мякоть от семени и подал Святозару четвертинку, сказав:

— Ешь, это вкусно. — А когда увидел, что наследник, поднявшись с песка, сел и приняв плод начал есть сладкую мякоть, добавил, — не помню только, как он называется. — Острием кинжала Вторак почесал бровь, верно пытаясь вспомнить название плода, но, так и не упомянув, махнул рукой и, принялся есть его сам.

— Как хорошо и легко на душе, — громко крикнул вышедший из воды Искрен, и, опустился на песок подле Святозара. — Что это вы едите? — спросил он, обращаясь к друзьям, и Вторак немедленно протянул ему одну из частей плода.

Наследник посмотрел на улыбающегося Искрена, увидел, как тот принялся с удовольствием поедать плод и внезапно услышал внутри себе какой-то тихий возглас... Возглас альстон, словно душа Святозара хотела ему, что-то сказать и это, что-то было очень важным. Наследник на миг закрыл глаза и прислушался к себе. И тогда увидел он, сквозь легкую дымку, вроде с высоты птичьего полета, поля и луга, с поднимающимися на них травами; леса, что темнели покрытые густой листвой; большой город, подобно древнему витязю раскинувшемуся на возвышении; хрустальные, наполненные чистотой реки, величаво несущие вдаль свои воды. И услышал нежданно Святозар далекую восурскую песню славящую красоту родной земли и славный, гордый народ. А еще услышал он, как громко и четко внутри тела ему сказала его душа: «Очнись, нам надо с тобой очнуться».

Наследник открыл глаза, помотал головой и ощутил внутри себя горечь от потери Стояна и Часлава. Он поднялся на ноги, огляделся по сторонам и догадался, что волшебная страна поглотила боль и горе его, дала успокоение и душевное равновесие. Но Святозар явился сюда совсем не за этим, он пришел в страну Беловодья, чтобы не забыться в тишине и радости, а найти корову Земун и излечить себя и брата. Он вспомнил, что жив и на земле у него много не исполненных дел, и жизненный путь его пролегает там, в полях и лугах славной Восурии!

— Други, други мои! — окликнул наследник дружину, те лениво повернули головы к Святозару и посмотрели на него. — Братья мои, вспомните, зачем мы сюда пришли. Вспомните, про погибших наших друзей, — но дружина, точно не слыша его, отвернула от него головы, и принялись, одни бултыхаться в воде, а другие греться на солнце.

Искрен и Вторак продолжали, есть плоды, будто и совсем не слыша слов наследника. Святозар присел на корточки возле Искрена, и, выбив из рук его плод, схватил за плечи да порывчато потряс, желая пробудить душу друга.

— Искрен, Искрен, ты слышишь меня? Ты помнишь, зачем мы сюда пришли? — взволнованно выкрикнул он.

Искрен широко улыбнулся, положил наследнику руку на плечо и ответил:

— Мы пришли сюда, чтобы достигнуть душевного спокойствия, и отдаться в руки счастья. Я ощущаю, как радость заливает мою душу.

— Нет, нет, — почти панически закричал Святозар. — Мы пришли сюда к нашей прародительнице корове Земун. Ты помнишь, своего погибшего брата, Стояна? Ты помнишь, как зовут меня? Ты помнишь, как зовут тебя?

Искрен вдруг радостно замотал головой и засмеялся.

— Посмотри, как здесь прекрасно, наслаждайся этой чистотой, — восторженно произнес Вторак, все еще держащий в руках плод.

— Брось, брось его, — приказал Святозар и выхватив из рук друга плод, откинула его в сторону.

Вторак поднял голову и благодушно улыбнувшись, воззрился на наследника своими насыщенными зелено-серыми глазами.

Наследник вновь поднялся на ноги, и принялся бегать от друга к другу, пытаясь пробудить их к жизни, но они лишь лучезарно улыбались ему в ответ, не понимая его тревоги и совсем забыв не только цель своего пути, но даже и собственные имена. Святозар пробовал читать заговоры над притихшими под теплым солнцем Годлавом и Гораздом, но в этой волшебной стране на их души, оные забыли себя, заговор уже не действовал.

Внезапно взгляд наследника упал на гусли и лежащего рядом с ними Леля. Святозар подбежал к Лелю и стал теребить, пытаясь уговорами вернуть его к жизни, но тот лишь улыбался, да хохотал над словами брата. Тогда Святозар схватил Леля за плечи и посадил, а после, наотмашь ударил его по лицу. Брат на миг закрыл глаза, улыбка с его лица сползла, но стоило ему вновь открыть свои очи, то он сызнаова заулыбался и засмеялся. Наследник сжал кулак и приболбно ударил Леля в нос. И когда у того из ноздрей потекла кровь, брат резко вырвался из удерживающих его рук, и утирая нос тыльной стороной ладони гневнодохнул:

— Ты, что одурел совсем? Чего меня бьешь?

— Брат, Лель, ты меня слышишь? — дрожащим голосом спросил Святозар.

— Еще бы тебя не слышать, разбил мне нос, а теперь спрашивает, — возмущенным голосом ответил Лель.

— Брат, ты помнишь, зачем мы сюда пришли? — беспокойно переспросил наследник, дотоль не снимая с левого плеча брата руку.

Лель сдвинул брови, удивленно посмотрел на Святозара и сказал:

— Мы пришли сюда, чтобы ты излечил свою рану, и добыл для своего брата воды из молочной реки.

— Хорошо, хорошо, что ты это вспомнил, — обрадовано молвил наследник, помогая вытирать нос брату от текущей из него крови, но так и не решаясь её заговорить. — Обернись, Лель, погляди, что с нашими друзьями. Они забыли, зачем сюда пришли, они забыли кто они. Пусть у тебя пока течет кровь, пусть брат. Страдание и боль вернули твою память.

Лель оглянулся по сторонам, и, увидев ничего не помнящих друзей, беспокойно спросил у Святозара:

— И, что же мы будем делать? Будем всем носы разбивать?

— Нет, — усмехнулся наследник, и, выпустив плечо брата, положил на его вытянутые ноги гусли. — Носы мы больше бить не будем, а сделаем вот, что... Возьми Лель гусли и начни петь песни про Восурию, и я думаю они вернут наших друзей к жизни.

Лель утер рукавом рубахи струящуюся из носа кровь, и, поставив гусли ребром, слегка наклонил их к себе, да, легохонько тронув струны пальцами заиграл... запел своим мелодичным, нежным голосом песню прославляющую родную Восурию. Песня по первому звучала не громко, но постепенно набирала силу и какое-то время спустя уже летела по всей стране Беловодья, заглушая трели птиц, крики зверей и шум бегущей воды. А еще немного погодя другие стали пробуждаться, будто после долгой спячки. Первым очнулся Искрен, он тяжело потряс головой, посмотрел на Святозара и спросил:

— Что это было?

— Продолжай играть и петь, — кинул на ходу Лелю наследник. А потом, подойдя к Искрену, сказал, — ты помнишь, как тебя зовут и зачем ты пришел сюда?

— Конечно, помню. Меня зовут Искрен, а пришли мы сюда к короле Земун, чтобы ты смог излечиться, — кивая головой, ответил Искрен.

— Вот и славно, что ты это вспомнил. А теперь вставай и одевайся, — добавил Святозар и оглянулся, обозревая других друзей.

Дружина под звуки родной песни пришла в себя и обеспокоенно озираясь, собралась около наследника.

— Святозар, — тихо спросил Молчун. — Что с нами произошло?

— Я уже говорил вам, что это когда-то был Ирий-сад, и, видимо, в нем сохранилось волшебство, которое помогает забыть прошлую жизнь, страдание, беды и горе, даруя вечное счастье и благодать, — ответил наследник Молчуну, и дополнил, обращаясь к дружине, — други давайте одеваться и в путь.

— Святозар, — сызнава наполненным грустью и тревогой голосом проронил Молчун. — Я вспомнил, как отец мне говорил, чтобы мы не слушали здесь песни птиц, не прикасались к плодам и не любовались природой. А я... а я.... Я так был потрясен гибелью Стояна, что совсем об этом позабыл.

— Да, друг мой, — подойдя к Молчуну, и крепко сжав его мощное плечо, молвил наследник. — Не ты один это забыл. — И, повернув голову к Лелю, который не смолкая ни на миг продолжал петь и играть, спросил, — брат, ты сможешь играть и петь на гусях в дороге?

Лель торопливо кивнул и начал подниматься, а Святозар пошел одеваться, и подбирать разбросанные по земле меч, лук и колчан со стрелами.

Выйдя на все еще мерцающую тропу, наследник с дружиной направился вперед, теперь уже не любуясь красотами земли, а внимательно слушая голос Леля.

Постепенно кустарники и деревья стали редеть, а зайдя на небольшой пригорок, дружина увидела перед собой зеленые и желтые поля злаков, да белоснежную гору впереди, из какой вытекала широкая река. Тропа спускаясь с пригорка, пролежала сквозь поля злаков. Травы здесь были необычайно высоки и скрывали дружину с головой. Святозар шел поперед всех, и зрел, как внезапно на тропу из злаковой поросли вышел гигантский зверь, раза в два тяжелее восурского быка и такой же, как бык высокий. Серо-коричневый цвет кожи, громадная голова, на которой прямо между глаз на лбу росли два крепких рога. Массивные большие ноги и тяжелая поступь. Зверь, выйдя из трав, потоптался на месте и верно, заинтересовавшись идущими людьми, резко повернувшись, направился к ним навстречу. В первый момент наследник даже растерялся, увидев, как это громадина движется прямо на него, но посем громко закричал и захлопал в ладоши, други шедшие позади, вторили ему криками и свистом. Зверь, услышав такой шум, вздрогнул всем телом, и, развернувшись, убежал в травы.

Растения, сквозь которые шла дружина, чем-то напоминали растущие в Восурии рожь и пшеницу, но в отличие от восурских трав были весьма рослыми и имели толстые стебли, венчающиеся на концах громадным колосом. По мере продвижения среди злаков появлялись и иные растения, с такими же высокими побегами, покрытые крупными широкими листьями, где между побегом и листом хоронились овально-вытянутые нежно-зеленые плоды. Святозар на мгновение засмотрелся на диковинное растение, а когда встряхнул головой, прогоняя очарование, услышал, как позади, стихли гусли. Он торопливо оглянулся и увидел, что остановившиеся невдалеке от него други столпились возле Вторака, сорвавшего плод с диковинного растения, и уже начавшего, словно со спеленованного ребенка, снимать с того длинные листья.

— Лель! — крикнул Святозар, и, подбежав, выбил плод из рук Вторака. — Да, что же вы, в самом деле, — он зыркнул так на друзей, что те все разом вздрогнули. — Слушайте, Леля, и смотрите себе под ноги на тропу, коли не можете с собой справиться. А, ты Вторак, — наследник грозно свел брови и вроде обжег друга своим взглядом. — Словно голодный ты, словно наестся не можешь... Сорви мне хоть еще один плод, и я даю слово, как Лелю нос тебе разобью, чтобы ты более о еде-то и не думал.

Други увидев рассерженного наследника, не мешкая, опустили головы, а Лель потер нос, и, тронув струны, наново запел и заиграл. Святозар еще раз оглядел друзей и пошел по тропе дальше.

Постепенно травы стали редеть, а впереди наследник услышал звонкую, переливчатую трель воды. Вскоре перед дружиной появился берег реки местами поросший камышом и рогозой. Тропа приблизилась почти вплотную к берегу, и Святозар заметил, как белы воды в той реке, точно то была не вода, а молоко. Наследник поворотил налево, туда, куда брела тропа, и пошел между раздвинувшимися рядами рогозы и камыша. Теперь тропа вела наверх, на небольшую возвышенность. Поднявшись на нее, наследник увидел резко оборвавшуюся зелень камыша, и широкую поросшую мелкой шелковистой травой поляну.

Прямо посередине поляны, будто невысокий холм поместилась огромная корова. Она лежала на правом боку, подогнув под себя передние ноги, и вытянув задние, из большого нежно-розового вымени струились четыре ручейка и соединялись в нешироком озере, а уже оттуда вытекала молочная река. Корова была белоснежной, и со стороны казалось, будто покрытая белыми пушистыми облаками. Как только на поляну вышли люди, она подняла свою большую голову увенчанную золотыми, кручеными рогами, и с маленьким молочной белизны и огнисто-радужным отливом камнем между рогов да глянула на дружину своими зелено-карими очами, а миг спустя заговорила, обращаясь к наследнику:

— Здравствуй, сын мой, Святозар, как труден и долог был твой путь.

Наследник опустился на одно колено, поклонился корове и сказал:

— Приветствую тебя, прародительница восурского народа, великая корова Земун.

— Подымись, сын мой, и вы верные его друзья, с колен, — молвила Земун. А когда Святозар встал, добавила гулким и единожды мягким голосом, — подойди ко мне ближе, дитятко, и я посмотрю на тебя.

Наследник, неторопливо ступая по мягкой траве, приблизился к корове, остановившись в шаге от ее морды. А корова потянулась к Святозару, подставляя под его руку большой, влажный, розовый нос, давая ему возможность погладить и верно так здороваясь с ним.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.